

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
Материалы круглого стола «Древности Нижнего
Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского
могильника»**

**№ 2
2019**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 2 2019

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдииков

Ответственный редакторы:

канд. ист. наук С.В. Кузьминых, канд. ист. наук А.А. Чижевский

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.**, д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

No 2 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh**,
candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunén Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydenov Michael F.**, Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Древности эпохи поздней бронзы

Усачук А.Н. (<i>Донецк, Украина</i>), Бахшиев И.И. (<i>Уфа, Россия</i>) Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья	10
Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Морозов В.В. , Азаров Е.С. (<i>Москва, Россия</i>) Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межов- ской культур в Нижнем Прикамье	38
Чижевский А.А. , Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры	99
Чижевский А.А. , Галимова М.Ш. , Губайдуллина А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.)	124
Шипилов А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология)	165

Проблемы изучения раннего железного века

Новиков А.В. (<i>Кострома, Россия</i>) Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов	179
Овсянников В.В. , Савельев Н.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Воинское святилище на Акбердинском II городище	201
Черных Е.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) К 120-летию начала исследований Зуевского (Зуевоключевского I) могильника	227
Оруджов Э.И. (<i>Казань, Россия</i>), Глушков К.Н. (<i>Киров, Россия</i>) Чижевское (Марьин кокош- ник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг.	246
Перескоков М.Л. (<i>Пермь, Россия</i>) Ананьинский комплекс Мокинского поселения-могильника	259

История археологии

Воробьёва С.Л. (<i>Уфа, Россия</i>) Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований	268
Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) М.Г. Худяков: из неизданного при жизни	292
Резолюция по итогам заседания круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» г. Елабуга, 23–25 мая 2018 г.	306
Список сокращений	307

CONTENS

Foreword	6
-----------------------	---

Antiquities of the Late Bronze Age

Usachuk A.N. (<i>Donetsk, Ukraine</i>), Bakhshiyev I.I. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Use of Domestic Animal Astragals in the Settlements of the Late Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals	10
Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Morozov V.V. , Azarov E.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Lugovskaya I and II Sites and the Issue of the Interaction of Cherkaskulskaya, Lugovaya and Mezhovskaya Cultures in the Lower Kama Region	38
Chizhevsky A.A. , Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Early (Atabaevo) Stage of Maklashevo Culture	99
Chizhevsky A.A. , Galimova M.Sh. , Gubaidullina A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kazanskaya Site (On the Basis of 1938 Study Materials)	124
Shipilov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kuzkinskaya 17 Site (Attribution and Chronology)	165

Problems of Studing the Early Iron Age

Novikov A.V. (<i>Kostroma, Russian Federation</i>) Current Issues of Studying Early Iron Age Settlements in Eastern Area of the Upper Volga Basin (Kostroma and Ivanovo Volga Regions). Presentation of the Issues	179
Ovsyannikov V.V. , Savelyev N.S. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Military Sanctuary in Akberdino II Settlement	201
Chernykh E. M. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) 120th Anniversary of The Study of Zuevsky (Zuevoklyuchevsky I) Burial Ground	227
Orudzhov E.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Glushkov K.N. (<i>Kirov, Russian Federation</i>) “Chizhevskoye (Maryin Kokoshnik) Settlement”. Results of Archaeological Studies in 2017-2018	246
Pereskokov M.L. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Ananyino Complex of Mokinsky Settlement and Burial Ground	259

History of Archaeology

Vorobyeva S.L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Forest-Steppe Part of Southern Urals in Early Iron Period: history of studying the issue and research prospects	268
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) M.G. Hudyakov: from unpublished during lifetime	292
Resolution following the results of a roundtable meeting "The Antiquities of the Lower Kama Region and the 160th Anniversary of the Archaeological Study of Ananyino Burial Mound", Elabuga, May 23-25, 2018.	306
List of Abbreviations	307

УДК 902/903

ЛУГОВСКИЕ I И II СТОЯНКИ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ, ЛУГОВСКОЙ И МЕЖОВСКОЙ КУЛЬТУР В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2019 г. А.В. Лыганов, В.В. Морозов, Е.С. Азаров

В статье рассматриваются Луговские I и II стоянки, материалы которых, во второй половине XX в, стали основой для выделения ряда культур позднего бронзового века в Волго-Камье. Авторами делается вывод о том, что Луговская I и II стоянки относятся к разным культурам и разным культурно-хронологическим горизонтам позднего бронзового века Волго-Камья. Луговская I стоянка является реперным памятником луговской археологической культуры. По известным калиброванным радиоуглеродным датам и металлическим вещам луговской культуры можно датировать основной комплекс Луговской I стоянки в пределах XVII–XV/XIV вв. до н.э. Сама луговская культура сформировалась позже срубной и федоровской и одновременно сусканской и черкаскульской, что отчасти подтверждается материалами стоянки. На Луговской I стоянке выявлен особый погребальный обряд с кремацией и наиболее ранние в регионе свидетельства земледелия. Луговская II стоянка, более поздняя по времени, чем Луговская I, относится к атабаевскому этапу маклашеевской культуры и межовской (позднелуговской) культуре. Судя по металлическим изделиям, обряду погребения, орнаментации сосудов валиками атабаевский этап маклашеевской культуры и межовская культура синхронны по времени с валиковыми культурами степной зоны Евразии и некоторыми андроновскими культурами Зауралья. По аналогиям материал стоянки датируется в пределах XIV–XII вв. до н.э. Судя по незначительному количеству керамики маклашеевского этапа маклашеевской культуры финала бронзы (XI–X вв. до н.э.), Луговская II стоянка в это время запустевает.

Ключевые слова: Луговские стоянки, поселение, луговская культура, федоровская культура, черкаскульская культура, позднелуговские памятники, межовская культура, срубная культурно-историческая общность, жилища, зольник, кремация, погребения на поселении, раннее земледелие, керамика.

Введение

Луговской археологический комплекс памятников расположен в поселке Луговой Елабужского района Республики Татарстан. Территория археологического комплекса вытянута с востока на запад на протяжении около 800 м вдоль надпойменной террасы правого берега р. Кама. У подножья террасы протянулась цепь старичных озер и проток р. Камы. В 1,5 км к северо-западу от Луговского комплекса расположен знаменитый Ананьинский могильник раннего железного века. В комплекс входит 4 стоянки, курганный могильник позднего бронзового века и грунтовый могильник раннего железного века ананьинской культурно-исторической области (рис. 1–4). На сегодняшний день большая часть территории, на которой расположены эти памятники, застроена домами поселка Луговой. В относительной безопасности находятся Луговская II стоянка и Луговской курганный могильник, расположенные на восточной оконечности поселка.

Материалы I и II Луговских стоянок, с момента их открытия и исследования А.В. Збруевой (преимущественно в 40 гг. XX века) являются основополагающими для выделения и характеристики ряда культур позднего бронзового века Волго-Камья. Сама А.В. Збруева, хотя и отмечала, что «памятники близ поселка Лугового принадлежат одной культуре и что ананьинские памятники генетически связаны с поселением луговского типа» (Збруева, 1960, с. 33), нигде не выделяла особую луговскую культуру в археологическом понимании, с определенной территорией, керамикой, инвентарем, погребениям и т.д. Опубликованы материалы стоянок были скупо (приведены фото и рисунки основных типов керамики и целых сосудов), что вполне соответствовало возможностям того времени (Збруева, 1960). Возможно поэтому, в дальнейшем, опираясь на материалы публикации, разные исследователи, в разные годы, материалы стоянок интерпретировали по-разному, но чаще всего относили к разным культурам (черкаскульской, межовской, алакульской, луговской,

приказанской, сусканской, атабаевскому этапу маклашеевской культуры). (Сальников, 1967, с. 383–386; Халиков, 1969, с. 228, 269; Колев, 1991; Обыденнов, 1997, с. 64; Ашихмина, 2014; Чижевский, 2012).

В связи с этим актуальным является новое обращение к коллекциям Луговских стоянок, их наиболее полная публикация с привлечением современных аналогий по позднему бронзовому веку Волго-Камья. Помимо полной публикации материала I и II Луговских стоянок целью работы является выявление степени соотношения луговской, черкаскульской и межовской культур в Волго-Камье.

Коллекции.

Коллекции Луговской I и II стоянок из раскопок отряда Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А.В. Збруевой поступили в Исторический музей лишь в 1956 г.¹ К данной работе материал коллекций был заново пересмотрен, крупные куски керамики размерами более 5×5 см сфотографированы и зарисованы, произведена атрибуция керамики, согласно современным представлениям о ее культурно-хронологическом статусе.

Очевидно коллекции поступили в музей на постоянное хранение не в полном объеме² – некоторые фрагменты керамики, известные по первым публикациям найдены не были (Збруева, 1941; 1946; 1950; 1960, рис. 3: 2, 7; 4: 2, 7; 5: 2, 4, 5; 6: 1, 3, 6). И наоборот – некоторые небольшие фрагменты сосудов известные ранее, были отреставрированы и собраны в целые горшки (Збруева, 1960, рис. 3: 8; 5: 6; 6: 2). На многих фрагментах затерт первоначальный полевой шифр, а в коллекционных описях местонахождение предметов отражено не было. Поэтому, из-за сложностей с идентификацией находок с полевой описью и неполнотой коллекции, в данной публикации

¹ Луговская I стоянка, раскопки в 1939 и 1946 гг. – ГИМ 88679, Описание A1352; Луговская II стоянка, раскопки в 1947–1948 гг. – ГИМ 88681, Описание A1196. Обе коллекции по документам переданы из ИИМК АН СССР вместе с полевыми описями. Материалы раскопок Луговской I стоянки 1940 и 1947 гг. по документам не передавались, но в коллекции присутствуют фрагменты с шифром по полевым описям этих лет.

² Остаётся полагать, что в Государственный исторический музей поступила та часть, которая наиболее полно и качественно характеризует материал этих двух стоянок.

мы не даем таблиц с распространением массового материала по глубинам и сооружениям. Такая таблица была бы очень неполна и весьма условна. Большой упор сделан на нахождение фрагментов керамики и развалов сосудов в заполнении и вблизи очагов построек и под сгоревшими конструкциями для соотнесения сооружений с тем или иным культурно-хронологическим пластом. Это еще упрощается и тем, что подавляющее количество находок на каждой из стоянок относится к разным культурам.

История изучения (полевые исследования).

Луговская I стоянка была выявлена экспедицией под руководством А.В. Збруевой во время раскопок Луговского грунтового ананьинского могильника в 1938–1940 гг.³ Тогда был отмечен ряд западин, которые были связаны с древними постройками на этой территории. Стоянка, по А.В. Збруевой, расположена на дюне, заросшей лесом и травой, и тянется примерно на полкилометра к западу и востоку от конца поселка Лугового вдоль края надпойменной террасы (Збруева, 1941). Судя по этому описанию, уже изначально территория, на которой фиксировались жилищные западины, и был выявлен культурный слой, воспринималась как единая стоянка. Впоследствии, при проведении разведок и раскопок, памятник был разделен на четыре стоянки (Луговская I–IV). В 1939 г. А.В. Збруевой в центральной части Луговской стоянки был заложен небольшой разведочный раскоп в 16 м². Раскоп был заложен вне жилищных западин, и вскрыл насыщенный культурный слой стоянки. В дальнейшем, эта территория, исследованная в 1939, 1940, 1946–1947 гг., где были вскрыты 6 полуземлянок, была названа Луговской I стоянкой (рис. 2–4).

В 1940 г. исследования Луговской I стоянки были продолжены и был заложен раскоп в 240 м², в котором были вскрыты три полуземлянки, одна из которых исследована полностью (Збруева, 1941, 1946). В изученной полностью полуземлянке № I выявлен крупный очаг 3,5×5 м, который был как бы пристроен к основной части постройки и приподнят над ее полом, образуя, таким образом, своеобразную нишу. В черном углистом

³ Материалы раскопок А.В. Збруевой ананьинского грунтового могильника хранятся в Государственном историческом музее: 1939 г. – ГИМ 80975 Описание B790, 1940 г.; ГИМ 80975 Описание B791.

слое прокала с мелкими жжеными косточками, мелкими кусочками керамики и не обгорелыми костями были выделены остатки 19 человек разного возраста (13 взрослых и 6 детей) европеоидного и монголоидного облика⁴. Дальнейшие исследования памятника продолжатся только через шесть лет.

В 1946 году была вскрыта площадь около 200 м² изучены полностью жилища № II, III, и IV. Жилище № V было исследовано частично – не были изучены северо-западный угол жилища № V и выходы к северу. Также частично изучено жилище № VI (Збруева, 1946). Найдено свыше трех тысяч фрагментов керамики. В землянке № II, рядом с очагом, были зафиксированы зерна спекшегося проса (Збруева, 1960, с. 13). Эта первая находка позволила говорить о раннем земледелии в Прикамье в эпоху бронзы и вообще наиболее раннем в лесной зоне Восточной Европы (Краснов, 1965, с. 68; Краснов, 1971, с. 18).

В 1947 году Луговская I стоянка была доисследована полностью (Збруева, 1947, 1960). Общая вскрытая площадь составила 532 м². За все года вскрыто 6 жилищ-полуземлянок, соединенных переходами друг с другом, с двумя выходами на север и одним на юг. Глубина жилищ составляла до 1 м в средней части. Вдоль краев глубина котлованов различна и колеблется в основном в пределах 80–90 см. О каркасно-столбовой конструкции можно судить по углистым полосам вдоль бортов землянок V и VI, хотя при этом было выявлено лишь небольшое количество столбовых ям (Збруева, 1941; 1948б; 1960, с. 12–22).

Своеобразная керамика являлась самым многочисленной категорией находок, которая в дальнейшем стала опорой для отнесения стоянки к той или иной культуре (выявлено свыше 300 сосудов). Эта керамика состоит из нескольких типов, но в основном (фрагменты от свыше чем 200 сосудов по А.В. Збруевой) – «это своеобразная керамика, оригинальный культурный комплекс, в котором можно проследить влияния андроновских и срубных форм и узоров, но который в то же время представляет собой нечто новое и самобытное» (Збруева, 1947, с. 16). В дальнейшем эта керамика стала основой для выделения луговской культуры.

В 200 м к востоку от Луговской I стоянки расположена Луговская II стоянка (рис. 3–4). Северную и западную оконечность стоянки II занимает Луговской курганный могильник. В 1943 г. П.П. Ефименко на восточной оконечности группы луговских памятников, возле нескольких выявленных жилищных западин, на территории, которая потом будет названа как Луговская II стоянка, была проведена шурфовка. Был вскрыт зольный слой с большим количеством костей животных, первоначально названный «костищем». В дальнейшем А.В. Збруева в 1947 г. уточнила характеристику этого слоя и сравнила его с зольниками Сибири позднеандроновского времени (Збруева, 1960, с. 24). В 1947 году, после завершения работ на Луговской I стоянке, на стоянке II под руководством А.В. Збруевой были заложены три раскопа: № 1 – 123 м², № 2 – 64 м² и № 3 – 16 м². Раскопом № 1 – было вскрыто жилище, раскопом № 3 уточнена характеристика зольника. Вероятно, раскопом № 2, заложенным на вершине небольшого всхолмления, был вскрыт ранее неучтенный А.В. Збруевой курган. В этом раскопе были расчищены четыре безинвентарных погребения, находящихся в культурном слое стоянки. На Луговском курганном могильнике, который располагался на окраине стоянки, в этом же году были вскрыты курганы № 1–2 (Збруева, 1947, 1960).

В 1948 году на Луговской II стоянке были заложены раскопы в 132 и 150 м², изучены еще три жилища, соединенные переходами друг с другом, и вскрыты еще три кургана Луговского курганного могильника (Збруева, 1948а)⁵.

В ходе двухлетних работ на Луговской II стоянке А.В. Збруевой было вскрыто 485 м² и изучены четыре соединенных переходами жилища полуземлянки глубиной до 0,7–0,8 м. Как и на первой стоянке, в жилищах прослежено очень мало столбовых ямок. Конструкции жилищ первой и второй стоянок весьма похожа. Все жилища – глубокие полуземлянки (глубина от 0,7 до 1 м в средней части), соединенные переходами, с наибольшим количеством столбовых ямок, иногда с обкладкой бортов котлованов деревом и бревнами. Почти все котлованы имеют достаточно правильную подчетыреугольную форму с выраженными

⁴ Кости были реставрированы в Музее антропологии МГУ и обработаны Т.А. Трофимовой.

⁵ Материалы раскопок А.В. Збруевой курганного могильника хранятся в Историческом музее – ГИМ 89046 Опись А1346.

углами. Эта схожесть двух групп жилищ дала повод предполагать родственность оставившего их населения (Збруева, 1960).

В дальнейшем раскопки на Луговской II стоянке были продолжены А.Х. Халиковым. В 1959 году он вскрыл на северной оконечности стоянки 54 м², попутно изучив незаметный с земли курган №3, и изучил еще два кургана могильника (Халиков, Генинг, 1960). Помимо этого, А.Х. Халиков определил территорию Луговских I и II стоянок, выделил на территории комплекса Луговскую III и IV стоянку, очертил их границы посредством планомерной шурфовки склона террасы. На Луговской III стоянке отметил наличие западин от жилищ (Халиков, Генинг, 1960). Таким образом, благодаря исследованиям А.Х. Халикова, были определены площади памятников, входящих в Луговский комплекс. По А.Х. Халикову расстояние вдоль склона террасы, на котором распространен материал на Луговской стоянке I – 75–80 м, площадь определена не была. Площадь Луговской стоянки II определена в 3800 м² (95×40 м), стоянки III – 4900 м² (140×30–35 м), стоянки IV – около 4000 м² (110×30–40 м).

В 1987–1989 гг., в связи с расширением территории поселка Луговой, Корепановым К.И. проводились исследования на Луговской III и IV стоянках, и грунтового Луговского могильника раннего железного века. Попутно был заложен раскоп на Ананьинской дюне, где был исследован слой позднего бронзового века с керамикой схожей с Луговскими стоянками (Корепанов, 1989, 1991). В 1988 г. на Луговской IV стоянке был заложен раскоп 72 м² и было вскрыто жилище позднего бронзового века подпрямоугольной формы, с закругленными углами, со стенками обложенными бревнами и соединенное переходом с другим жилищем. Размер жилища 7,8/7,5×3,75 м (площадь – 29 м²), глубина 20 см от уровня материка. Длинной стороной жилище ориентировано по линии запад-восток. На раскопе зафиксировано 103 фрагмента венчиков сосудов. Судя по иллюстрациям из отчета, керамика наиболее схожа с материалами Луговской I стоянки (Корепанов, 1989). В 1989 г. на Луговской III стоянке был заложен раскоп 196 м² и вскрыто жилище позднего бронзового века подквадратной формы, с закругленными углами, со стенками обложенными бревнами, соединенное переходом с другим жилищем и с выходом на юг в сторону реки. Жилище

имело размеры 7×6,8 м (площадь около 49 м²), углубленное на 80–90 см в материк. Стороны жилища сориентированы по сторонам света, с более длинной стороной по линии запад-восток. Выявлено 253 фрагмента керамики с 72 венчиками. Судя по иллюстрациям из отчета, керамический материал наиболее схож с материалом Луговской II стоянки (Корепанов, 1991). Таким образом, судя по конструкции жилищ и керамическому комплексу, они весьма схожи с постройками на Луговских I и II стоянках. При этом Луговская III имеет больше сходства с Луговской II, а Луговская IV с Луговской I стоянкой.

Наконец в 2008 году А.А. Чижевским на Луговской II стоянке была вскрыта площадь 94 м² и исследовано межжилищное пространство юго-западной части стоянки. Керамика с раскопа, в количестве 315 фрагментов, была отнесена к атабаевско-межовскому или к атабаевскому этапу маклашеевской культуры (Чижевский, 2012, с. 299).

Таким образом, всего на Луговской II стоянке было вскрыто в общей сложности 633 м², а также 8 курганов из 14. Хотелось бы отметить, что планы расположения курганов у А.В. Збруевой и А.Х. Халикова не совпадают. Кроме того, у разных авторов приведено их разное количество и разная нумерация (у А.В. Збруевой – 8 курганов, у А.Х. Халикова их 10).

История изучения (кабинетные исследования).

В обобщающей публикации материалов Луговских стоянок Збруева А.В. выделила несколько типов керамики и отметила разновременность первой и второй стоянки (Збруева, 1960). Для Луговской I стоянки это 9 типов, которые, тем не менее, укладывались в относительно короткий промежуток времени от постройки сооружений и до оставления стоянки людьми. Для Луговской II стоянки это в, основном, один тип посуды. Для Луговской I стоянки основным типом являлся, уже отмеченный выше, особый тип керамики с влиянием андроновских и срубных традиций, который на сегодня понимается как керамика луговской культуры. На Луговской II стоянке основной тип керамики, по А.В. Збруевой, это горшки различного размера с отогнутыми краями часто с выпуклым валиком на шейке, с выпуклыми стенками и плоским дном. На основании некоторой схожести в орнаменте, формах сосудов, наличию примеси ракови-

ны в тесте с ананьинской керамикой раннего железного века, этот тип посуды был отнесен к более позднему времени, чем основной тип с первой стоянки. Основные выводы по результатам раскопок А.В. Збруева опубликовала в обобщающей работе следующим образом (Збруева, 1960, с. 33). Они таковы:

1) Прежде всего, несмотря на различия в керамических комплексах, поселенческие памятники близ поселка Луговой были отнесены к одной культуре.

2) Время бытования памятников у поселка Луговой было отнесено к концу II – началу I тыс. до н.э., т.е. уже в основном к постсрубному времени, согласно хронологии срубной культуры в это время. При этом было отмечено влияние андроновской и срубной традиций на культуру Луговских стоянок.

3) Был сделан вывод о генетической преемственности ананьинских памятников от памятников типа поселения Луговское.

4) Несмотря на то, что А.В. Збруева все поселенческие памятники близ поселка Луговое отнесла к одному единственному поселению, ею же были выделены отдельные стоянки внутри этого поселения. Такие стоянки, хотя и находились недалеко друг от друга, и были едины в культурном отношении, но имели разную хронологическую датировку. Подобный подход вызвал путаницу у исследователей в соотношении различных групп керамики Луговских стоянок с уже известными культурами. И в дальнейшем, зачастую, первая и вторая стоянки продолжали относиться исследователями к одной культуре.

5) Был выдвинут тезис о широко развитом скотоводстве и развитии земледелия, наряду с охотой и рыболовством.

6) Население Луговских I и II стоянок было знакомо с металлургией.

7) Выводы о людских жертвоприношениях на основе находок человеческих костей в очаге в полуземлянке I и отдельного черепа в кургане №2 и выводы о родовом обществе у людей, оставивших поселенческие памятники, на основании соединенных переходами жилищ, на наш взгляд, не совсем аргументированы (Збруева, 1960, с. 33).

8) Несмотря на все это, А.В. Збруева не стала выделять луговскую археологическую культуру, в том смысле, что не была определена территория, занимаемая этой культурой с характерными поселениями и могильниками,

не были выделены общие признаки материальной культуры.

В дальнейшем различные исследователи использовали материалы Луговских стоянок в своих построениях по культурогенезу позднего бронзового века в Приуралье и Среднем Поволжье.

Точка зрения А.В. Збруевой о выделении особых памятников типа Луговских стоянок была поддержана А.П. Смирновым во введении к публикации этих памятников (Смирнов, 1960, с. 6). Он отметил, что материал Луговского поселения, отличается от приказанских стоянок, раскопанных Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым в Приказанском Поволжье и свидетельствует о существовании к востоку от р. Вятки особой культуры, с другими чертами и наличием материала, подчеркивающего влияние андроновской культуры, а также черт свойственным стоянкам этого времени Западной Сибири (Смирнов, 1960, с. 6). С приказанской культурой луговские стоянки сближает только традиция домостроительства жилищ «многокомнатного типа» (Смирнов, 1960, с. 6).

К.В. Сальников, заметил, что на фрагментах собственно андроновской керамики из Луговской I стоянки переплетаются элементы федоровского и черкаскульского орнамента (Сальников, 1967, с. 371). Основную часть керамики, ту которую А.В. Збруева отнесла к особому, оригинальному культурному комплексу, К.В. Сальников определил как близкую посуде межовского этапа черкаскульской культуры, которая, в свою очередь, имеет в то же время общий с сузгунской посудой орнамент в виде пояса глубоких ямок (Сальников, 1967, с. 371). Основной керамический комплекс Луговской II стоянки К.В. Сальников отнес к выделенной им культуре курмантау. В то же время им было отмечено, что памятники культуры курмантау входят в более обширную общность предананьинского времени, наряду с позднеприказанскими памятниками Нижнего Прикамья и Приказанского Поволжья и ерзовскими памятниками Среднего Прикамья (Сальников, 1967, с. 378). Хотелось бы отметить, что керамика самого финала бронзового века, близкая маклашевской или курмантауской культурам, нами в коллекции Луговской II стоянки была зафиксирована в единичном количестве. Поэтому, видимо, с курмантауской керамикой К.В. Сальников отождествил керамику атабаевско-

го этапа приказанской по (Халиков, 1980) или атабаевского этапа маклашеевской культуры по (Кузьминых, Чижевский, 2009а). Этот этап более ранний, нежели курмантауские или маклашеевские комплексы Волго-Камья и скорее соответствует межовской культуре в Приуралье, согласно современной точке зрения.

А.Х. Халиков Луговскую I стоянку по основным типам керамики отнес к алакульской культуре и к балымско-карташихинскому этапу приказанской культуры, а Луговскую II к атабаевскому этапу приказанской культуры (Халиков, 1969). Выделенные им в результате разведочных работ Луговские III и IV стоянки он отнес соответственно к атабаевскому и балымско-карташихинскому этапам приказанской культуры (Халиков, 1980). Критика концепции А.Х. Халикова прозвучала еще 1960 году в публикациях Збруевой А.В. и Смирнова А.П. и продолжилась 1967 г на IV Уральском археологическом совещании. На IV Уральском археологическом совещании В.П. Денисов предлагал выделить в бассейне Вятки и низовьев Камы луговскую культуру. В отношении же приказанской культуры он склонялся к точке зрения О.Н. Бадера – не распространять термин «приказанская культура» на все Прикамье, а считать ее территорией Казанское Поволжье и прилегающую к нему часть района Нижней Камы (Денисов, 1967, с. 30). Генинг В.Ф. отмечал материалы Луговской I стоянки как смешанные срубно-андроновские, при этом выделяя луговскую культуру, которая наряду с культурами курмантау, ерзовской и позднеприказанской представляют собой локальные варианты единой общности. (Генинг, Совцова, 1967 с. 58).

В дальнейшем Л.И. Ашихмина очертила круг памятников луговской культуры, включив в нее Луговские стоянки I–IV, при этом отметив только лишь то, что Луговская II стоянка по времени несколько позже Луговской I стоянки (Ашихмина, 2014, с. 29–31). В выделенную Л.И. Ашихминой луговскую культуру была включена разнообразная керамика, как характерная для первой, так и второй Луговской стоянок. Видимо, в связи с этим разнообразием форм и орнаментов на керамике, впервые у Л.И. Ашихминой появляется термин «посуда постлуговского типа» для части комплексов из Икских I, III и Дубовогривской II стоянок, куда, видимо, были включены и характерные горшечные атабаев-

ские комплексы Луговской II стоянки (Ашихмина, 2014, рис. 15, 16, 30, 34).

М.Ф. Обыденнов включил материалы Луговских стоянок вслед за А.В. Збруевой и Л.И. Ашихминой в особую луговскую культуру (Обыденнов, 1992). В луговскую культуру были включены стоянки северной части Нижнего Прикамья и Икско-Бельского междуречья, при этом отмечена схожесть луговских, приказанских, и межовских комплексов на Нижней Каме и трудность их отнесения к той или иной культуре (Обыденнов, 1997, с. 6). Луговская культура, по М.Ф. Обыденнову, оказала влияние на формирование межовской культуры в Прикамье (Обыденнов, 1992, с. 13). В более поздних работах М.Ф. Обыденнов также придерживается концепции об особой луговской культуре с эпонимным Луговским поселением, включая сюда все Луговские стоянки (Обыденнов, 1997, с. 64; 2006, с. 140). Им же было отмечено, что луговская культура, как и материалы Луговских I и II стоянок, явно разбивается на два культурно-хронологических этапа. Ранний этап характеризуется влиянием трех культурных компонентов – срубного, черкаскульского и федоровско-бишкульского. На втором этапе луговской культуры прослеживается влияние межовской культуры, население которой проникает с западных склонов Урала в Нижнее Прикамье и в Бельский район. Нижняя Белая и прилегающие районы Нижнего Прикамья являлись в позднелуговское время зоной смешения луговских и межовских культурных традиций (Обыденнов, 2006, с. 143). С данной точкой зрения и на сегодняшний день трудно не согласиться.

Ю.И. Колев, при выделении сусканского типа памятников, включил в него материалы Луговской I стоянки (Колев, 1991, с. 163–165), а вторую стоянку с межовской (позднелуговской) и атабаевской керамикой отнес к выделенной А.В. Збруевой и Л.И. Ашихминой луговской культуре. К сусканскому типу памятников были отнесены и памятники Нижнего Прикамья и Икско-Бельского междуречья (Колев, 1991, с. 170–171).

Схожесть комплексов Сусканского поселения и Луговской I стоянки натолкнула ряд исследователей в XXI в. сделать вывод о существовании единой сусканско-луговской культуры, куда были включены памятники лесного и лесостепного Волго-Камья (Казаков, Рафикова, 1999; Чижевский и др. 2012).

Этого небольшого историографического очерка, достаточно, чтобы понять всю важность материалов Луговских стоянок для выяснения процесса культурогенеза позднего бронзового и раннего железного века. Вместе с тем и по сей день существует разное, зачастую противоположное определение культурной принадлежности стоянок. Эта разногласия мнений исследователей заставила авторов снова обратиться к материалам Луговских стоянок, и рассмотреть их под новым углом, уделяя внимание, прежде всего керамическим комплексам стоянок и поиску их аналогий в Северной Евразии. При этом наибольший интерес вызывают коллекции из раскопок А.В. Збруевой 1939–1948 гг., которые стали реперными при выделении луговской культуры.

Территориальное расположение и археологическое окружение Луговских стоянок (рис. 1–4). Луговской комплекс (четыре стоянки, грунтовый и курганный могильник) расположен на низкой (нерасчлененной) террасе, сложенной супесями (Ландшафты, 2007, с. 64, карты). К югу от комплекса памятников расположена широкая пойма р. Кама, на западе и северо-западе расположена пойма р. Тойма. С севера и запада к территории комплекса вплотную примыкает смешанный лес территории Национального парка «Нижняя Кама». В ландшафтном отношении Луговской комплекс расположен в Елабужско-Предкамском возвышенном районе, который характеризуется Приуральскими широколиственнопихтово-еловыми неморальнотравяными, сосново-широколиственными, сосново-травяными лесами с доминированием в настоящее время березняков, осинников и культур сосны и ели, расположенных на светло-серых лесных и дерново-подзолистых почвах (Ландшафты, 2007, с. 133). Район относится к бореальной ландшафтной зоне, подтаежной ландшафтной подзоне региона Восточного Предкамья (Ландшафты, 2007, с. 134). Площадь лесов в данном ландшафтном районе еще в 1800 г. составляла 79,7% от площади района (Ландшафты, 2007, с. 141).

Территория в десяти километровой округе поселка Луговой широко исследована археологически. Помимо Луговского комплекса, где на каждом из входящих в него памятников с 40-х гг. XX в. проведены широкие раскопки, широко исследован, начиная с

XIX века Ананьинский могильник, расположенный в 1,5 км к северо-западу от Луговского комплекса (Кузьминых, Чижевский, 2009б). Помимо могильника раннего железного века на Ананьинской дюне зафиксирована стоянка с керамикой эпохи неолита-энеолита, близкая новоильинской культуре, а также с луговской, атабаевской и маклашеевской керамикой позднего бронзового века (Кузьминых, Чижевский, 2009б, с. 8–9). Раскопками исследована Кумысская стоянка и могильник с материалами новоильинской энеолитической, луговской культур, атабаевского и маклашеевского этапа маклашеевской культуры (Генинг, Старостин, 1972), находящаяся в 6,3 км к востоку от Луговского археологического комплекса. В 2018 г. произведены раскопки на Мальцевской IV стоянке, целиком относящейся к луговской культуре и расположенной в 5 км к северу от Луговских стоянок. Остальные памятники были открыты в результате разведочных работ. Примечательно, что на всех памятниках, исследованных раскопками, зафиксированы представительные материалы луговской культуры позднего бронзового века. Также здесь много памятников, в том числе исследованных разведками, с материалами атабаевского этапа маклашеевской культуры. И наконец, на памятниках, расположенных на террасах правого берега р. Камы, выявлены немногочисленные находки керамики энеолитической новоильинской культуры.

Южнее этой территории, уже на левом берегу Камы, зафиксированы могильники и поселения срубной культурно-исторической общности. При этом, как и на других территориях Предкамья, на археологических материалах округа поселка Лугового нигде не зафиксирован переход носителей срубной культуры на правый берег Камы. По всей видимости, залесенные территории правого берега Камы в древности были непригодны для развития экстенсивного скотоводства носителей срубной культуры. Луговская культура основу хозяйства носителей, которой тоже определяло скотоводство, появилась на этой территории на завершающем этапе существования срубной общности (Колев, 2000, с. 250; Лыганов, 2018, табл. 1).

Таким образом, можно проследить динамику развития культур в округе поселка Луговой с неолита-энеолита до финала бронзового века. Известно несколько фрагментов неолитической керамики с Кумысской и Лугов-

ской II стоянок, но пока нельзя говорить о постоянных поселениях на этой территории в неолите. В энеолите здесь были расселены носители новоильинской и гаринской культур. Немногочисленные фрагменты керамики энеолитических культур присутствуют на ряде памятников до самого финала энеолитической эпохи, но в начале позднего бронзового века и времени становления и существования в Закамье срубной культурно-исторической общности эта территория запустевает. Новое, по-настоящему широкое, хозяйственное освоение этой территории начинается в луговское время (с XVII в. до н.э.). В Закамье, в это время, срубная общность постепенно сменяется луговской и сусканской культурами. В дальнейшем, в финале позднего бронзового и раннем железном веке, эта территория продолжает широко осваиваться носителями маклашевской культуры и культур ананьинской культурно-исторической области.

Стратиграфия и жилища Луговских I и II стоянок (рис. 5–7).

Стратиграфия Луговских I и II стоянок едина и достаточно проста (Збруева, 1960, с. 11). Нерасчлененный культурный слой, в виде рыхлой гумусированной серой супеси (или темно-серой гумусированной супеси), залегал сразу под небольшой прослойкой дерна, до глубины 0,35–0,5 см вне жилищ. В профилях раскопов Луговских I и II стоянок А.В. Збруевой была зафиксирована углистая прослойка мощностью 3–10 см. Это прослойка по А.В. Збруевой расположена сразу после дерна и находится в самом верху культурного слоя стоянок (рис. 6). Прослойка автором никак прокомментирована не была, но, по всей видимости, может быть связана с пожаром на памятниках после оставления их людьми. Примечательно, что в раскопе 2009 г. А.А. Чижевского подобной ярко выраженной углистой прослойки на Луговской II стоянке выявлено не было (Чижевский, 2008, с. 298–300). Далее вниз после культурного слоя шел светлый материковый песок. Вне жилищ культурный слой был значительно светлее и содержал в себе очень небольшое количество находок. Основное количество материальных остатков получено из заполнения полуземлянок, в особенности много развалов керамических сосудов, поддающихся реконструкции, получено с пола построек около очагов и сгоревших конструкций.

В западной периферийной части территории Луговской II стоянки этот стратиграфический разрез, схожий на всех стоянках, отличается наличием прослойки белесой супеси⁶ мощностью 20–30 см, которая залегала под культурным слоем темно-серой гумусированной супеси на глубине 20–40 см от современной поверхности (Збруева, 1960, с. 24; Чижевский, 2012, с. 298–300). В данном слое содержится большинство находок керамики вне жилищ. Здесь много костей животных в более хорошей сохранности, чем в других слоях (Збруева, 1960, с. 24; Чижевский, 2012, с. 298–300). Аналогии белесой супеси с большим содержанием золы, насыщенной керамикой и костями животных, можно проследить в зольниках Зауралья, которые расположены на периферии поселений андроновских и андронидных культур позднего бронзового века (Корочкова, 2009). Наиболее часто такие золистые слои интерпретируются исследователями как места для утилизации бытовых отходов на окраинах поселений. Именно этим объясняется насыщенность данного слоя золой, костями и керамикой. Наиболее крупные и информативные зольники выявлены на поселениях андронидных (пахомовской, сузгунской, черкаскульской культур) и ирменской культуры (Корочкова, 2009, с. 26).

А.В. Збруева описывала котлованы построек как полуподземные жилища — землянки. Мы предполагаем, что, так как глубина котлованов у бортов лишь изредка достигает 90 см, то эти жилища следует отнести к полуземлянкам (см. Чижевский, 2007, с. 98–99). Сами жилища были подробно описаны А.В. Збруевой в обобщающей работе (Збруева, 1960, с. 12–14, 22–24). По этой причине мы ограничимся лишь их кратким перечислением с указанием площади, глубины и архитектурных особенностей.

На Луговской I стоянке вскрыто 6 жилищ-полуземлянок подпрямоугольной формы, соединенные переходами друг с другом, с двумя выходами на север и одним на юг к пойме р. Кама (рис. 5). Очаги располагались во всех жилищах, по одному-два возле борта или в углу жилища. В провалах очагов находились куски керамики, крупные и мелкие камни.

Полуземлянку I с «очагом-крематорием» в западной стене с обожженными и необжоре-

⁶ С большим количеством золы по А.В. Збруевой.

лыми костями, остатками от 19 человек (взрослых и детей, европеоидного и монголоидного облика), а также керамикой и обожженными и необожженными камнями, который расположен на возвышении в 15 см над полом полуземлянки, возможно, следует отнести к особому типу культовых построек. В северной части «очага-крематория» зафиксирована столбовая ямка – единственная в этой полуземлянке. В отличие от А.В. Збруевой, которая связывала этот очаг с местом совершения человеческих жертвоприношений, мы все же склонны считать, что это место связано с особым обрядом погребения, вероятно, в финале существования стоянки или же уже после того как люди оставили это место. Погребения, которые совершены на поселениях, чей культурный слой немного предшествовал по времени совершения погребения, известны в Волго-Камье. Кремация тела на стороне, перед помещением праха в погребальную камеру, известна у федоровской (андроновской) культуры (Молодин, 1985, с. 105–108; Кузьмина, 2008, с. 84–86; Зах, 1997, с. 55–56). Наиболее западные памятники федоровской культуры практически не содержат погребений по обряду ингумации (Корочкова, 2011, с. 15). В среде срубной общности, как считают исследователи, редкие кремации появились в результате контактов с «федоровцами» (Кузьмина, 2008, с. 84–86). Трупосожжения и огненные похоронные ритуалы также известны у черкаскульской культуры (Обыденнов, Шорин, 2005, с. 60–61). Огненные ритуалы известны и в погребениях луговской культуры и позднелуговского (межовского) времени в Коминтерновских курганах, Мурзихинском II могильнике, Подгорно-Байларском кургане (Казаков, 1978; Чижевский, Марков, 2003; Чижевский и др., 2011; Лыганов, 2017). Специальные «постройки-крематории» известны в могильнике Бустон VI эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (Аванесова, 2013, с. 19–21). Примечательно, что эти постройки также углублены в материк и схожи по площади и заполнению с «очагом-крематорием» на Луговской I стоянке. На могильнике Бустон VI выявлен небольшой процент керамики федоровского, тазабагыбского и алексеевского-саргаринского облика. (Аванесова, 2013, с. 515). Однако, абсолютно точные аналогии «очагу-крематорию» в постройке I Луговской I стоянки нами на сегодняшний день не выявлены.

Площадь полуземлянки I – 42 м² (6×7 м), глубина у стен от уровня выявления 70–80 см, в средней части около 1 м.

Полуземлянка II соединена переходами с полуземлянками I и III. При этом, судя по разрезу (рис. 5), переход в полуземлянку I расположен гораздо выше пола полуземлянок I и II (перепад 20–40 см). Переход из полуземлянки III в полуземлянку II образует пологий спуск, соединяя полы жилищ. Очаг в полуземлянке II выявлен в северо-восточном углу возле перехода в полуземлянку III. В северо-западном и юго-западном углах зафиксированы столбовые ямки. В юго-западном углу выявлены следы хозяйственной ямы глубиной около 40 см. Площадь полуземлянки II – 28 м², глубина у стен от уровня выявления около 90 см в средней части около 1 м.

Полуземлянка III является центральной и соединена переходами на все четыре стороны света с полуземлянками II, IV, V и VI. Выявлены следы очагов в трех углах. Площадь полуземлянки III около 18 м² глубина от уровня выявления у стен 70–80 см, в средней части около 90 см.

Полуземлянка IV соединена переходом с полуземлянкой III. Постройка вскрыта не полностью – южный край остался за пределами раскопа. Очага не зафиксировано. Выявлены хозяйственные ямы. Площадь вскрытой части полуземлянки IV – 12 м², глубина у стен 70–80 см, в средней части около 90 см.

Только в полуземлянках V и VI зафиксированы сгоревшие деревянные прямоугольные конструкции по бортам жилищ. Полуземлянка V расположена к северу от жилища III и соединена с ним переходом. Зафиксированы 2 очажных пятна у восточной стенки и северо-восточного угла жилища. Здесь же зафиксирована одна столбовая ямка. Площадь полуземлянки V около 45 м² (10×4,5 м), глубина у стен от уровня выявления 80–90 см, в средней части постройки около 1 м.

Полуземлянка VI соединена переходом у северо-западного угла с полуземлянкой III. Прослежено несколько очажных пятен: в переходе, в выходе в сторону реки у южной стенки, и у восточной стенки. Площадь полуземлянки VI около 25 м² (7×3,5 м), глубина у стен от уровня выявления – 80 см, в средней части постройки около 1 м.

На Луговской II стоянке были вскрыты четыре подчетырехугольных жилища-полуземлянки, также соединенные переходами

друг с другом (рис. 7). На некоторых из полуземлянок зафиксированы следы сгоревшей деревянной обкладки стен. Очаги здесь тоже фиксируются возле стен жилищ. Как и на первой стоянке, раскопками здесь было зафиксировано малое количество столбовых ямок в жилищах. Особенностью построек Луговской II стоянки является наличие на полу жилищ насыпных песчаных «скамей» или «столиков». Полуземлянки несколько меньшие по глубине, чем жилища первой стоянки и большие по размеру. В целом постройки Луговской II стоянки обнаруживают сходство с постройками Луговской I стоянки за небольшими различиями.

Полуземлянка I находится в средней части группы полуземлянок и соединена коридорами-переходами с запада и востока с полуземлянками II и III. Вдоль северной стенки и в северо-западном углу сооружения были зафиксированы следы обгорелого дерева. Очаги располагаются в северо-восточной части полуземлянки, вдоль северной и восточной стенки. В западном углу сооружения и в восточном переходе в полуземлянку II зафиксированы следы столбовых ямок. В средней части жилища выявлена яма $1,5 \times 1$ м и глубиной до 1,16 м (на плане не отражена). В яме найдено небольшое количество мелкой неорнаментированной керамики. Площадь около 49 м^2 (7×7 м). Глубина котлована жилища вдоль стенок 60–70 см, в центральной части до 90 см.

Полуземлянка II подчетырехугольной формы вскрыта не полностью. С северо-западного и юго-западного угла коридорами-переходами котлован полуземлянки соединен с полуземлянками I и IV. Выявлен очаг с обкладкой камнями у южной стенки котлована. Площадь вскрытой части полуземлянки около 55 м^2 (8×7 м). Глубина котлована вдоль стенок 60 см, в центральной части до 70 см.

Полуземлянка III самая западная в группе полуземлянок, с востока соединена переходом с полуземлянкой I и с запада с неясным и небольшим, вероятно, разрушенным объектом. Вскрытая часть имеет правильную подчетырехугольную форму. У северной стенки и в выходах-переходах на запад и восток зафиксированы остатки очагов. У северной стенки, в очагах и на полу полуземлянки зафиксированы крупные развалы сосудов атабаевского типа вместе с небольшим количеством камней. Также в постройке зафик-

сированы столбовая ямка и следы сгоревшей деревянной обкладки западной стенки. В этой полуземлянке на полу были выявлены своеобразные песчаные насыпанные конструкции – «скамьи» или «столики». Площадь вскрытой части полуземлянки около 64 м^2 (8×8 м). Глубина котлована жилища вдоль стенок 60–70 см, в центральной части до 70–80 см.

Полуземлянка IV с юга соединена коридором-переходом с полуземлянкой II. В центре большой очаг с большим количеством камней. К югу от очага зафиксирован насыпной песчаный «столик». На север продолжается выход или переход длиной около 2-х м. Площадь постройки около 49 м^2 (7×7 м). Глубина котлована жилища вдоль стенок 60–70 см, в центральной части до 70–80 см.

Хотелось бы остановиться на аналогиях этим жилищам в культурах позднего бронзового века Восточной Европы, Западной Сибири и Северного Казахстана. Следует отметить, что жилища Луговской I стоянки не схожи с жилищами черкаскульской культуры. Только два исследованных жилища из черкаскульских памятников достигают глубины в 0,68–0,8 м, остальные входят в тип наземных построек (на Луговской I стоянке глубина жилищ 0,8–0,9 м). Кроме этого, все известные черкаскульские жилища имеют ярко выраженную столбовую конструкцию, не зафиксированную на Луговских I и II стоянках (Сальников, 1967, с. 354; Стоколос, 1972, с. 54–82; Хлобыстин, 1976; Обыденнов, Шорин, 2005, с. 10–35; Алаева, 2015, с. 475–476). Отмечено, что небольшие размеры ($22,5$ – 30 – 40 м^2) имеют черкаскульские жилища, расположенные в лесной зоне, а крупные площадью в 160 – 180 м^2 тяготеют к лесостепной зоне Зауралья и Северного Казахстана (Обыденнов, Шорин, 2005, с. 34). На черкаскульских памятниках не была зафиксирована система соединенных переходами жилищ, характерная для Луговских стоянок. Таким образом, несмотря на находки на поселении черкаскульской керамики, нельзя говорить о том, что жилища Луговской I стоянки были возведены носителями этой культуры.

Сложно проследить аналогии таким жилищам и в других поселенческих памятниках луговской и сусканской культур т.к. они тоже в основном неглубокие, небольшие по площади и имеют выраженную каркасно-столбовую основу. Луговские, сусканские,

и межовские жилища тоже обычно не соединены друг с другом переходами (Обыденнов, 1998, с. 7–11; Колев, 2000, с. 247; Колев и др. 1995, Ашихмина, 2014, рис. 3–4, 21–22, Чижевский, 2007, табл. 2). Судя по описаниям А.В. Збруевой, это именно глубокие коридоры-переходы, которые соединяют полы полуземлянок, поэтому достаточно трудно их интерпретировать, как утопанные людьми дорожки между жилищами (Збруева, 1960, с. 13, 23–24). Пока выявлен только один такой переход, который, возможно, образовался в результате естественных процессов – неглубокий переход из полуземлянки I в полуземлянку II. Пол этого перехода был выше полов жилищ I и II как минимум на 20–30 см.

По углубленным в землю коридорам-переходам между жилищами Луговские стоянки имеют аналогии в древностях займищенского, балымско-карташихинского и атабаевского этапов приказанской культуры по А.Х. Халикову (Халиков, 1980, рис. 4,8). А.А. Чижевским было зафиксировано постепенное уменьшение соединенных тамбурными переходами жилищ на протяжении эпохи поздней бронзы Волго-Камья. (Чижевский, 2007, с. 100, табл. 2). Вероятно, соединенные углубленными в землю переходами-тамбурами жилища являются своеобразной надкультурной чертой населения лесной зоны Волго-Камья в позднем бронзовом веке. Истоки традиции сооружения глубоких переходов между жилищами, возможно, следует искать в энеолитических культурах Поволжья.

Интересны некоторые аналогии жилищам Луговской II стоянки в древностях Верхней Волги и Поочья. Такие характерные элементы жилищ стоянки, как наличие насыпных «столиков» из песка на полу жилища, наличие очагов с обкладкой из камней, где концентрируются развалы керамической посуды, имеют некоторые параллели с жилищами культуры текстильной керамики в среднем Поочье (Фоломеев, 1974; Азаров, 2017, с. 65).

Материальная культура Луговской I и II стоянок.

Кремневый инвентарь Луговских стоянок.

Кремневый инвентарь на Луговских I и II стоянках весьма немногочислен и был подробно описан А.В. Збруевой в обобщающей работе (Збруева, 1960, с. 15–16, 25). Среди кремневого инвентаря Луговской I стоянки

отмечены: наконечник стрелы необычной ланцетовидной формы, несколько скребков, ножевидная пластина, несколько отщепов и десяток мелких кремневых чешуек, обломками терки и пестов. Коллекция Луговской II стоянки представлена двумя наконечниками стрел, двумя скребками на отщепах, скребковидным орудием на гальке, пестами, найденными возле очагов, частью каменного молота или кирки с выбоинами на противоположных сторонах для привязывания и заполированное орудие, которое служило, возможно, верхним камнем от зернотерки.

Среди хронологически важных вещей необходимо упомянуть находки кремневых наконечников стрел на Луговской II стоянке. Один из них является характерным для начала позднего бронзового века. Это крупный наконечник стрелы вытянуто-подтреугольной формы с прямым основанием (Збруева, 1960, рис. 8: 2). Такие крупные наконечники стрел выявлены в материалах сейминско-турбинского транскультурного феномена, потаповского и займищенского типа памятников, доно-волжской абашевской культуре и др. культур первой фазы позднего бронзового века (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 104, 106; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 11; Лыганов и др. 2012, рис. 2: 11; Липецкий курган..., 2016, рис. 53). Такой тип стрел несколько отличается от зауральских стрел этого времени, которые в основном имеют слегка вогнутое основание (Сериков и др., 2009, рис. 6, 12, 13). Развитие типа стрел вытянуто-подтреугольной формы с прямым основанием продолжается и в более позднее время, хотя они уже становятся меньше по размеру. Эти стрелы известны в памятниках с неразделенным черкаскульско-межовским культурным слоем (Обыденнов, 1998, рис. 38; Обыденнов, Шорин, 2005, рис. 19).

Другой наконечник стрелы с Луговской II стоянки, несмотря на то, что изготовлен из такого же типа кремня, что и первый наконечник, имеет аналогии в древностях атабаевского и маклашеевского этапов маклашеевской культуры (Халиков, 1980, табл. 37: 6; Соловьев, 2000, стр. 82–83, рис. 81). Этот тип вытянуто-линовидных наконечников с прямым или округлым усеченным основанием встречается как на поселениях, так и в могильниках и бытует на протяжении всей второй половины II тыс. до н.э. (Халиков, 1980, табл. 37; Соловьев, 2000, стр. 82–83, рис. 81).

Металлические изделия. Известно, что на Луговской I стоянке были найдены только кусочки медного шлака, которые в коллекционных описях Исторического музея не значатся. Хотелось бы отметить, что металлические вещи, традиционно описываемые исследователями, как найденные на территории Луговской II стоянки (долото, пронизь, металлический диск) (Халиков, 1980, табл. 46.6, Обыденнов, 1998, рис. 22; Ашихмина 2014, с. 40) все были найдены в совсем другой части Луговского археологического комплекса, на территории Луговского грунтового могильника ананьинского времени, и, видимо, связаны с культурным слоем стоянки эпохи поздней бронзы (позднее названной Луговской IV стоянкой). Про это упоминает сама А.В. Збруева в работе 1960 г., совместно с описанием раскопов на Луговской II стоянке (Збруева, 1960, с. 14, с. 28, рис. 10: 4, 7, 8). На территории самой Луговской II стоянки ни в раскопах А.В. Збруевой, ни А.Х. Халикова металлических изделий выявлено не было. Бронзовые изделия в этой части Луговского комплекса были найдены только в погребениях Луговского курганного могильника (рыболовный крючок и колечко) расположенного частично на территории Луговской II стоянки (Збруева, 1960, с. 15). В дальнейшем в раскопах К.И. Корепанова и А.А. Чижевского бронзовых изделий также зафиксировано не было.

Датирующим предметом здесь является, уже упоминавшееся выше, долото с территории Луговской IV стоянки. Долото относится по В.С. Бочкареву к типу криволезвийных (желобчатых) долот с литой втулкой, край которых укреплен валиком (Бочкарев, 2017, с. 174). Этот тип изделий обнаружен на многих памятниках в Волго-Камье, три из них происходят с Ананьинской дюны и одно из Луговской IV стоянки (Халиков, 1980, табл. 46). Появляются они с возникновением дербеденовского очага металлообработки. Дербеденовский очаг металлообработки входит в еще более крупный лобойковско-дербеденовский очаг (и одноименную хронологическую группу металлических изделий, по В.С. Бочкареву) который начинает функционировать около середины II тыс. до н.э. и связан с черкаскульско-федоровскими, сусканскими, луговскими, позднесрубными, отчасти с саргаринско-алексеевскими древностями и ранней сабашиновской и ноуа (Бочкарев, 2017, с. 172–173). Судя по встречаемости в закрытых комплексах,

этот тип долот продолжает свое развитие и в последующей по времени красномаяцкой группе металлических изделий, в которой является одним из ведущих типов металлических изделий (Бочкарев, 2017, с. 181). Красномаяцкая группа металлических изделий и одноименный очаг металлообработки характерен для поздней сабашиновской культуры (Бочкарев, 2017, с. 174), а на территории Волго-Камья, по всей видимости, синхронными ей межовскими и атабаевскими памятникам (XIV–XIII вв. до н.э.). Таким образом, датировать металлическое долото, найденное на Луговской IV стоянке можно в широких пределах – XVI/XV–XIII вв. до н.э.

Керамический материал (рис. 8–29). Несомненно, самым массовым и культурно диагностирующим материалом на Луговских стоянках является керамика. Так как керамический материал Луговской I и II стоянок значительно разнится, то в данной публикации описание его дано раздельно по памятникам, кроме наиболее раннего и небольшого неолитического комплекса.

Ранняя керамика эпохи неолита-энеолита (рис. 8). Самый незначительный и наиболее ранний комплекс представлен мелкими обломками неолитической и энеолитической посуды камской, новоильинской и гаринской культур. Они встречены, в основном на территории Луговской I стоянки и, в незначительном количестве, на территории Луговской II стоянки и курганного могильника (2 экз.).

Вероятно, самый ранний по времени фрагмент зафиксирован на Луговской II стоянке – один венчик, предположительно от неолитического сосуда (рис. 8: 7). Сосуд закрытой формы с толщиной стенок 1–1,1 см. В глиняном тесте визуально четко фиксируется примесь шамота. Срез венчика скошен во внутреннюю сторону. Орнамент покрывал, судя по аналогиям, всю внешнюю поверхность сосуда гребенчатым, сильно забитым, придающим вид прочерка, штампом – вертикальными и горизонтальными рядами, образующим мотив «плетенки». Такие технико-технологические характеристики фрагмента, безусловно, находят аналогии в материалах камской неолитической культуры (Габаев, 2003; Морозов и др., 2017).

Наиболее ранние энеолитические комплексы керамики Луговской I стоянки представлены сильно фрагментированными стенками, толщиной 0,8–1,1 см, с примесью

шамота и гребенчатым орнаментом в количестве 27 экз., как минимум от десяти сосудов. Орнамент нанесен средней (длинной) и крупной (короткой, овальной) гребенкой в несколько разреженной манере. Элементы орнамента представлены горизонтальными поясками короткопоставленного овального штампа и длинных вертикальных линий, переходящих в горизонтальные линии гребенки.

По совокупности технико-технологических характеристик, эта серия посуды находит аналогии в материалах новоильинской культуры рубежа неолита и энеолита (рис. 8: 2–5, 6, 8, 9).

Наиболее близкие аналогии данной керамике происходят с Кумысской стоянки, расположенной в 6,3 км восточнее Луговской I стоянки (Генинг, Старостин, 1972, с. 92, рис. 4), где она залегала в схожих стратиграфических и планиграфических условиях – в перемешанном культурном слое с материалами позднего бронзового века.

Функционирование новоильинской культуры, судя по калиброванным радиоуглеродным данным, происходило в пределах последней четверти V тыс. до н. э. – до конца IV тыс. до н. э. (Лычагина, Выборнов, 2009; Лычагина, 2018). Такой длительный (более тысячи лет), промежуток функционирования переходных памятников от неолита к эпохе раннего металла ставится под сомнение исследователями (Мельничук, 2011; Денисов, Мельничук, 2014; Лычагина, 2018). Достоверными, видимо, являются древние даты, которые близки по времени финалу неолитических древностей камской культуры.

Следующая по времени серия ранней керамики с Луговской I стоянки, выделенная типологически, характеризуется керамикой с раковинной примесью, гофрированными и профилированными венчиками и, в некоторых случаях, украшенных налепными валиками с внешней стороны (рис. 8: 1, 4). В одном случае зафиксирован фрагмент с горизонтальными рядами неглубоко вдавленных ямок, украшенных по всей поверхности сосуда. Аналогии этой серии керамики происходят с памятников позднего энеолита Прикамья – Игимской (Габяшев, Старостин, 1972, с. 62), Бачки-Тау II (Выборнов и др., 1982, с. 195–209), Рычинской II (Денисов, 1972, с. 124), Бор I (Бадер, 1961, с. 56, рис. 27: 7). Еще один венчик финала энеолита был выявлен под насыпью кургана №3 в яме,

которую А.В. Збруева интерпретировала как могила № 2 (Збруева, 1960, рис. 11–12). Мы же предполагаем, что это остатки ямы энеолитического времени, оказавшейся перекрытой курганной насыпью. Этот вывод сделан по находкам в ней собственно энеолитической керамики, нестандартной форме и размерам не соответствующим известным подкурганным могильным ямам (Збруева, 1960, рис. 11. I). Интересен этот фрагмент керамики с налепным гофрированным валиком (рис. 8: 4). Он находит аналогии в материалах Игимской стоянки Икско-Бельского междуречья и Пермского Прикамья (Габяшев, Старостин, 1971; Шипилов, 2012; Денисов и др., 2012). По мнению исследователей, подобный валик появляется на посуде гаринской культуры в финале энеолита под воздействием западно-сибирской кротовской культуры. Вероятно, появление «валикового» пласта древностей с восточными зауральскими чертами, в культурах позднего энеолита Волго-Камья, скорее всего, происходило в русле распространения сейминско-турбинского феномена (Соловьев, 2000, с. 98; Денисов и др., 2012, с. 120). Исходя из этого, датировать такую керамику можно началом II тыс. до н.э. (Денисов и др., 2012, с. 120). Керамика с валиками встречается на поздних гаринских памятниках всегда в единичном количестве. Эта керамика в материалах Луговской II стоянки является 15-м местонахождением, расположенным на самом юго-западе ареала распространения валиковой керамики в гаринской культуре Прикамья. Ниже по течению Камы такая керамика еще не зафиксирована (Денисов и др., 2012, с. 120).

Керамический материал Луговской I стоянки (рис. 9–21).

Согласно полевой описи в коллекции Луговской I стоянки насчитывается 6306 находок. Основу составляет керамика. А.В. Збруевой по венчикам удалось выделить около 300 разнообразных сосудов. Как было отмечено выше, А.В. Збруева на этом материале выделила 9 групп сосудов, причем в разные типы попали как разнокультурные, так и однокультурные керамические комплексы. Так 1 группа это энеолитическая керамика, 2 – группа андроновская (федоровско-черкаскульская керамика), 3–7 группы – керамика луговской культуры, а 8–9 – керамика более поздняя с валиками и воротничками, характерная для атабаевского этапа маклашеевской культу-

ры и межовской культуры (Збруева, 1960, с. 16–20). Керамика залегает преимущественно в заполнениях жилищ, ее очень мало в культурном слое вне сооружений. При этом на дне жилищ встречается как наиболее ранняя керамика эпохи энеолита, так и наиболее поздняя с валиками и воротничками финала бронзы. Более интересно соотношение этой керамики по количественным показателям, потому что наиболее ранние и поздние фрагменты керамики эпохи энеолита и финала бронзы составляют всего около 5% от всей коллекции (1,3% и 3% соответственно). При этом только луговская и федоровско-черкаскульская керамика залегает развалами возле очагов и под обгорелыми стенками жилищ. На сегодняшний день мы можем говорить о выделении по керамике на Луговской I стоянке 4 культурно-хронологических комплекса. Первым типом является, уже описанный выше, немногочисленный комплекс керамики новоильинского и гаринского времени.

Керамика черкаскульско-федоровского облика (рис. 9–10). Второй тип керамики, выявленный на Луговской I стоянке, это керамика близкая черкаскульской или федоровской культурам. Помимо двух крупных подклеенных развалов, в коллекции зафиксировано сорок четыре венчика как минимум от двадцати пяти разных сосудов, а также характерные стенки (48 шт.), которые составляют около 5% керамической коллекции.

Эта керамика отличается особой тонкостенностью, высоким горлом, зачастую эсовидной профилировкой, тщательной отделкой поверхности, в том числе с помощью лощения, орнаментацией мелкозубчатым штампом и широкими каннелюрами (желобками). Диаметры венчиков сосудов этой группы достаточно большие и составляют 20–27 см (5 сосудов). С черкаскульской культурой некоторые фрагменты сближают многочисленные ряды желобков, а с федоровской косоугольные треугольники, нехарактерные в целом для черкаскульской традиции и ровный эсовидный профиль на ряде сосудов (Сальников, 1967, с. 356–358). Таким образом, на андроновской керамике Луговской I стоянки на одних и тех же фрагментах можно отметить сосуществование признаков как черкаскульской, так и федоровской традиций. К этой же группе отнесены фрагменты от двух необычных по форме сосудов с длинным узким горлом (диаметр 10 см и высота

горла около 12–14 см) и неясным характером расширения в нижней части (рис.10: 6, 8,) (Збруева, 1960, рис. 4: 6, 7). Несмотря на то, что орнамент на этих сосудах по рядам широких каннелюр и прочерченному орнаменту близок черкаскульской посуде, такие формы для нее не характерны. Эта керамика имеет некоторое сходство с отдельной группой посуды бегазы-дандыбаевской культуры Средней Азии (Маргулан, 1979, с. 116; Варфоломеев, 2013; Ломан, 2013, с. 253).

На Луговской I стоянке, так же была выявлена ножка от кубковидного сосуда (Збруева, 1960, рис. 6.6). Такие сосуды Е.Е. Кузьмина относил к андроновскому и постсрубному времени на огромной территории Северной Евразии. Истоки их производства она видела в культуре земледельческих поселений юга Средней Азии, где такая гончарная посуда уже была широко распространена в позднем бронзовом веке (Кузьмина, 1974).

Керамика луговской культуры (рис. 11–20). Большая же часть (более чем от 200 выделенных сосудов по А.В. Збруевой) относится к особому оригинальному типу керамики, определенным на сегодня как древности луговской культуры. При обработке коллекций в ГИМе нами были зафиксированы лишь 4 развала (два от мелких сосудов типа банок и два от крупных сосудов). Около 90% всей керамической коллекции (1870 фрагментов) по своей характеристике твердо относится к луговской культуре.

Керамика луговской культуры, встречается по всему заполнению жилищных котлованов возле очагов и под обгорелыми деревянными конструкциями. К луговской культуре относятся пять выделенных А.В. Збруевой групп керамики, которые различаются, прежде всего, по форме сосуда (Збруева, 1960, с. 16–20). (По А.В. Збруевой это группы 3–7 соответственно).

Первая группа – фрагменты около десяти сосудов схожих с остросреберными срубными горшками.

Наиболее многочисленная *вторая группа*, которая в свою очередь делится на типы. Первый тип имеет слегка отогнутую шейку и слабовыраженные плечики. Горшки этого типа имеют самые различные размеры. Это самый распространенный тип сосудов на стоянке. Ко второму типу относится сосуд с орнаментом, покрывающим 2/3 поверхности. К третьему типу относятся горшки с отогну-

той шейкой и хорошо выраженными плечиками.

К *третьей группе* относятся крупные горшки с загнутым внутрь краем, выпуклыми стенками и относительно небольшим дном.

К *четвертой группе* относятся небольшое количество банок со слабовыпуклыми стенками и немного загнутыми вовнутрь краями.

К *пятой группе* отнесены низкие небольшие чашки, круглодонные и плоскодонные. Края немного загнуты вовнутрь (Збруева, 1960, с. 16–20).

При современном рассмотрении коллекции с Луговской I стоянки, были найдены все эти группы керамической посуды. Прежде всего, необходимо отметить схожесть орнаментальных мотивов на всех группах керамики, выделенных А.В. Збруевой. На культурное единство описанных форм сосудов указывает как сходный характер их орнаментации, так и одинаковые примеси в глиняном тесте сосудов. Такие же группы керамических сосудов встречаются совместно и на других памятниках луговской культуры в Прикамье (Ашихмина, 2014, рис. 9, 12, 14). На памятниках Среднего Поволжья зафиксированы схожие формы сосудов, которые Ю.И. Колев относит к сусканской культуре (Колев, 1999, с. 252–253). Это такие группы сусканской керамики, как профилированные сосуды с относительно высокой шейкой, устье которой сильно стянуто вовнутрь (форма 1), которой аналогична группа 3 керамических сосудов с Луговской I стоянки; баночные сосуды с почти невыделенной шейкой (форма 2), которой аналогична группа 2, первого типа с Луговской I стоянки; и наконец, группа сосудов с четко выделенной шейкой и чуть намеченным ребром при переходе от шейки к тулову (форма 3), которой аналогична группа 1 с Луговской I стоянки (Збруева, 1960, с. 16–20; Колев, 1999, с. 252–253, рис. 3–7). Другие формы луговских сосудов также находят некоторые параллели в сусканской керамике.

Формы сосудов, происходящих с территории Луговской I стоянки, подробно описала Л.И. Ашихмина. Она отметила, что на Луговской I стоянке преобладают баночные сосуды над горшечными и их соотношение 1,7:1 (Ашихмина, 2014, с. 33). Здесь хотелось бы отметить, что под баночной формой сосудов с Луговской I стоянки Л.И. Ашихмина, видимо, понимает сосуды со слабовыражен-

ной шейкой по А.В. Збруевой. Также следует отметить, что банки Луговской I стоянки и банки со срубных поселений Восточного Закамья (Деуковского, Погорно-Байларского поселения), с которыми Л.И. Ашихмина сравнивает баночные сосуды Луговской и Зуево-Ключевской стоянок, это разные типы посуды, разных культур (Ашихмина, 2014, с. 33).

Орнамент наносился преимущественно на верхнюю часть сосуда и состоял из одной-двух, реже трех орнаментальных зон, разделенных одной-тремя горизонтальными линиями. Орнаментальные мотивы основного комплекса Луговской I стоянки стандартны. Было выделено 126 наиболее крупных фрагментов керамики на которых, как нам представляется, сохранились все орнаментальные зоны, что позволяет определить основные орнаментальные мотивы на луговской керамике Луговской I стоянки. В выборку не попали фрагменты, которые имеют явный федоровско-черкаскульский облик, и более поздние фрагменты керамики с валиками и воротничками. Процентное соотношение мотивов орнамента приведено в табл. 1. Наиболее частые мотивы на луговской керамике это ряды трех и более горизонтальных линий, выполненных протаскиванием гладкой гребенкой и иногда принимающих вид узких каннелюр – выявлены в 35% случаев. Такие ряды выполняли как роль основного орнаментального мотива на сосуде, так и служили в качестве разделительной полосы между рядами орнаментальных зон. Второй по частоте встречаемости орнаментальный мотив – это ряд или ряды горизонтальной елочки, которые чаще всего идут во втором орнаментальном поле (30%). Иногда это единственный орнамент на сосуде. Третий по частоте встречаемости орнаментальный мотив – два ряда горизонтальных линий (21%), которые чаще всего разделяют орнаментальную зону. В 16% на сосуды нанесен орнамент в виде наклонных отрезков, выполненных как гребенчатым отпечатком, так и гладкой гребенкой. Чаще всего этот орнаментальный мотив расположен сразу под срезом венчика. Разнообразные вдавления присутствуют на 12% сосудов. Еще в 10,3% орнамент нанесен в виде горизонтального зигзага (или горизонтальной елочки), оттисками разнонаправлено поставленных наклонных отрезков. На 8% сосудов присутствуют заштрихованные прямоугольные треугольники, на 6,3% заштрихованные ромбы.

Остальные мотивы орнамента присутствуют на луговской посуде в гораздо меньшем количестве. Примечательно, что округлые ямки, характерные для последующих культур позднего бронзового века Волго-Камья, выделены только на 4% сосудов.

Таким образом, орнамент на луговской посуде состоял из нескольких орнаментальных зон. В подавляющем случае первая орнаментальная зона состояла из рядов горизонтальных линий, нанесенных гладкой гребенкой. На втором месте ряды коротких косо поставленных отрезков, нанесенных сразу под венчиком гладкой гребенкой или гребенкой с близко поставленными зубцами. Далее по частоте встречаемости идут разнообразные вдавления, вертикальные прочерченные отрезки, округлые ямки, елочки. В одном случае зафиксированы косоугольные треугольники с бахромой вершинами вверх.

Вторая орнаментальная зона, разделенная с первой двумя тремя рядами горизонтальных линий, имеет следующие орнаментальные мотивы: горизонтальные елочки, заштрихованные треугольники вершинами вниз, ряды зигзагов, выполненных оттисками гладкой гребенки, заштрихованные ромбы, и заштрихованные треугольники и ромбы с бахромой.

Орнамент по срезу венчика нанесен в восьми случаях в виде рядов косо поставленных оттисков гладкой гребенки (7 экз.) и «сетка» (1 экз.).

Только в четырех случаях встречены орнаментированные днища сосудов. Орнамент днищ представлен отпечатками гладкой гребенки в виде рядов горизонтальной елочки, сетки и вертикальных отпечатков. Также на стоянке выявлено днище сосуда с отверстиями (Збруева, 1960, рис. 6: 5). Зачастую исследователи такие днища связывают с особыми сосудами для отжима творога (Обыденнов, Обыденнова, 1992, с. 59).

Таким образом, для основного комплекса керамики Луговской I стоянки характерны сравнительная тонкостенность (в основном 0,6–0,8 см), в ряде случаев небрежная обработка поверхности, иногда с оставленными расчесами. В форме господствует плавная профилировка тулова сосудов со слабо выраженным горлом. Изредка встречаются сосуды выраженной баночной формы, подобные срубным. Еще одной характеристикой луговской керамики является в большинстве случа-

ев отогнутый наружу край венчика. Такие венчики, по мнению Ю.И. Колева, могли получаться в результате перевертывания сосуда вверх дном при просушке (Колев, 1999, с. 253). Гораздо реже встречается округлый или приостренный венчик. Днища плоские. Сосуды в абсолютном своем большинстве орнаментированы. В коллекции Луговской I стоянки без орнамента оказались только 7 фрагментов от небольших чашеобразных сосудов с округлым дном (5,5%). Орнамент наносился гладким, реже зубчатым штампом. В качестве искусственных добавок в тесто сосудов был использован мелкий шамот, песок и иногда встречается небольшое количество дробленой раковины.

По наиболее крупным фрагментам удалось выявить диаметры венчиков и донцев. По диаметру венчиков сосуды делятся на три группы 1 группа с диаметром 12–17 см (8 сосудов), вторая группа 19–22 см (5 сосудов), и третья группа с диаметром 27–34 см (11 сосудов). Преобладают крупные хозяйственные сосуды с диаметром венчиков 27–34 см. Диаметры донцев сосудов составляют 6–11 см (9 экз.).

Относительная тонкостенность сосудов, плавная профилировка, преобладание в орнаментальных композициях рядов прочерченных горизонтальных линий, горизонтальной елочки, наклонных оттисков-отрезков, заштрихованных треугольников и ромбов, иногда с бахромой – все эти черты имеют отчетливые параллели в культурах андроновского круга, прежде всего федоровской, и в родственных ей андроновских комплексах Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана.

Керамика межовская (позднелуговская) и атабаевская (рис. 21). В незначительном количестве на Луговской I стоянке встречена более поздняя керамика (60 фрагментов от около 14 сосудов – около 3% керамической коллекции) с валиками и воротничками, которая наиболее характерна для Луговской II стоянки. Эта керамика резко отличается от приведенной выше керамики луговской культуры: в тесте присутствуют примеси дробленой раковины, рельефный орнамент из валиков и воротничков, наличие ямок по горлу сосуда, резной орнамент, отличие в орнаментальных мотивах (которые мы рассмотрим ниже). Уже сама незначительность комплекса, отсутствие крупных фрагментов и развалов,

несмотря на то, что некоторые фрагменты керамики залегают на полу жилищ, говорит о том, что эта керамика попала на территорию стоянки случайно и значительно позже с близлежащих стоянок (Луговской II, III), где такая керамика является основной.

Керамический материал Луговской II стоянки (рис. 22–29). На второй стоянке А.В. Збруевой удалось выделить около 150 сосудов. Соотношение типов керамики резко отличается от материалов Луговской I стоянки. Преобладающей здесь является керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры (около 50% коллекции), при этом целые развалы выявлены на полу возле очагов построек. Особенно много их в полуземлянке III у северной стенки. Находки такой посуды на полу и у очагов построек свидетельствует о принадлежности всех жилищ Луговской II стоянки носителям атабаевского этапа маклашеевской культуры. Также много здесь валиковой керамики межовского (позднелуговского) облика. Эта керамика не образует заметных развалов и скоплений и рассеяна дисперсно в заполнении сооружений. Некоторые фрагменты встречаются на дне полуземлянок совместно с атабаевской керамикой. Крупных развалов этой керамики на Луговской II стоянке не выявлено. При этом хотелось бы отметить, что наиболее крупные куски встречаются в межжилищном пространстве. Также много такой керамики в раскопе у А.Х. Халикова 1959 г, на северной периферии памятника не занятой полуземлянками, и в раскопе А.А. Чижевского на юго-западном краю стоянки, где фактически вся керамика относится к этому типу (Чижевский, 2012). Зачастую эту керамику, представляющую собой мелкие фрагменты, очень сложно идентифицировать и отделить от атабаевской. Связи с этим вычислить точно суммарно ее долю не представляется возможным. По нашим же приблизительным подсчетам, она составляет около 40 % в коллекции раскопок А.В. Збруевой, и большую часть в коллекции из раскопок А.Х. Халикова и А.А. Чижевского.

Остальные керамические комплексы представлены мелкими фрагментами керамики, что нередко ведет к тому, что их сложно идентифицировать с тем или иным культурно-хронологическим комплексом.

Немногочисленна и фрагментарна здесь керамика *черкаскульско-федоровского и луговского типа*, которой на стоянке I преоб-

ладающее большинство (рис. 22.). Уникален кубкообразный сосуд идеальной сохранности, найденный на глубине 30 см в западной части раскопа вне жилищных западин в культурном слое стоянки (рис. 29: 1). Он уже неоднократно публиковался в не совсем точной прорисовке в ряде публикаций по кубкообразным сосудам позднего бронзового века Северной Евразии (Кузьмина, 1974, рис. 1: 2; Колев, 2000, рис. 11: 12; Мочалов, 2004, рис. 6: 3). Судя по публикациям, время существования подобного типа посуды приходится на промежуток, начиная с начала второй половины II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. (Кузьмина, 1974). Много фрагментов от кубковидных сосудов выявлено на сусканских поселениях (Колев, 2000, с. 246, рис. 11), также как на северных луговских памятниках. Судя по калиброванным радиоуглеродным данным, даты сусканских памятников, как и луговских, ограничиваются XVII–XV вв. до н.э. Известны кубки и ранее, но они отличаются пропорциями и орнаментацией (Мочалов, 2004). Впрочем, О.Д. Мочалов, вслед за Е.Е. Кузьминой, тоже указывает на явные параллели подобного вида посуды в среднеазиатских земледельческих культурах. По времени это происходит уже с конца III – начала II тыс. до н.э. (Мочалов, 2004, с. 132–134). В заполнении сооружений керамика луговской культуры и черкаскульско-федоровского облика встречена только в виде мелких фрагментов. Развалы и даже целый кубковидный сосуд выявлены на периферии стоянки с северной и западной стороны. Это свидетельствует об использовании территории стоянки уже в луговское время, что неудивительно, учитывая комплекс жилищ этого времени в 200 м западнее на Луговской I стоянке.

Межовская (позднелуговская) керамика (рис. 23–24). Другой достаточно многочисленной группой керамики на Луговской II стоянке является керамика, которая у Л.И. Ашихминой названа как постлуговская или позднелуговская, у М.Ф. Обыденнова как межовская, у А.А. Чижевского как атабаевская или же атабаево-межовская. Эта керамика действительно имеет черты сходства, как с луговской, так и более поздней атабаевской керамикой. Но, с одной стороны, от луговской эта керамика отличается наличием на тулове сосуда валиков и воротничков, резным орнаментом, дальнейшим упрощением орнаментальных мотивов, обильной примесью в тесте

раковины на большинстве сосудов. С другой стороны, от атабаевской керамики она отличается наличием валиков по горлу сосуда, отсутствием ямок, и других типичных атабаевских мотивов орнамента (рядов мелких каплевидных вдавлений, и др.). Этой керамике присуща большая толстостенность и грубость в обработке поверхности, чем у атабаевской посуды. Несомненно ее сходство и с керамикой межевской культуры Приуралья (Обыденнов, 1998).

Для выявления основных орнаментальных мотивов этой керамики были отобраны фрагменты венчиков от 50 сосудов (табл. 2: 1). В большинстве случаев (40%) сосуды полностью не орнаментированы и единственным их украшением является валик, по срезу венчика округлой или приостренной формы. Горизонтальный зигзаг или вертикальная елочка, образованная оттисками разнонаправленно поставленных наклонных отрезков – преобладающий мотив орнамента на тулове сосудов (14%). Наиболее распространенный орнаментальный мотив по валику сосуда – ряд горизонтальной елочки (20%). Далее по частоте встречаемости идут ряды горизонтальных прочерченных линий (8%). В 4% по тулову сосуда проходит ряд косой решетки. В 6% косая решетка зафиксирована по валику. В нескольких случаях совместно с характерными валиками на сосудах встречаются заштрихованные треугольники вершинами вниз, ромбы и т.д. В целом орнамент на межевской (позднелуговской) керамике можно охарактеризовать как сильно упрощенный орнамент луговской культуры.

Не совсем понятны хронологические рамки подобного типа керамики. С одной стороны, видимо, датировки ее укладываются в позднелуговское (или постлуговское) время, т.е. возможно уже с XV в. до н.э. Фактическая схожесть позднелуговской керамики с межевской вроде бы позволяет отнести ее целиком к межевской культуре. Однако сама концепция межевской культуры, в связи с почти полным отсутствием однослойных поселений, малочисленностью могильников, закрытых комплексов, отсутствием радиоуглеродных дат, требует некоторого пересмотра и уточнения основных положений (Обыденнов, 1998; Корочкова, 2011; Алаева, 2015). Поэтому в данной работе предложено этот тип керамики с Луговской II стоянки, с некоторой оговоркой

на его позднелуговской статус, называть керамикой межевской (позднелуговской) культуры.

Возможно, позднелуговскую керамику стоит датировать в более широких рамках существования степной общности культур валиковой керамики (ОКВК), так как несомненно, что появление валиков связано с сильным влиянием этой общности. Становление ОКВК было определено Е.Н. Черных XIII/XII вв. до н.э. (Черных, 1983, с. 81), сейчас эти даты удревнены вплоть до XV/XIV вв. до н.э. (Агапов и др., 2012, с. 44; Епимахов и др., 2005, с. 100, рис. 3). Видимо, этим временем может быть определено время появления валиковых комплексов на Луговской II стоянке. Верхняя дата основывается на появлении на Луговской II стоянке атабаевской керамики. Время атабаевского этапа маклашеевской культуры в Волго-Камье определено в пределах XIV–XIII вв. до н.э.

Атабаевский этап маклашеевской культуры (рис. 25–27, 28: 6). Преобладающим на Луговской II стоянке является тип атабаевской керамики с примесью раковины в тесте, с валиками и воротничками по срезу венчика, с рядами ямок по горлу сосуда. Крупные развалы встречены на полу жилищ и возле очагов, что свидетельствует в пользу соотношения всех построек именно с этой культурой. Некоторые фрагменты атабаевской посуды выделяются наличием рядов веревочных отпечатков, что в целом нехарактерно для атабаевских памятников Поволжья. Как было отмечено выше, эта керамика залегает в жилищах крупными развалами, зачастую возле очагов. Два сосуда были полностью реставрированы.

Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры стандартна. Это горшковидные сосуды, с отогнутой шейкой и валиком (воротничком) округлым или приостренным по срезу венчика. У сосудов широкие диаметры по венчику (преобладают сосуды с диаметрами 27–34 см и 14–18 см) и совсем небольшие донца диаметром 7–11 см. Тесто атабаевских сосудов с Луговской II стоянки характеризуется обильной примесью раковин. Для подавляющего большинства керамики характерно наличие большого числа (3–6) орнаментальных зон с повторяющимися рядами одного из мотивов орнамента. Для выявления основных орнаментальных мотивов этой керамики были отобраны фрагменты венчиков от 50 сосудов (табл. 2: 2). Это горизонтальный зигзаг или вертикальная елочка, образованная

оттисками разнонаправлено поставленных наклонных отрезков – преобладающий мотив орнамента как на тулове (72%), так и на валиках по венчику (40%). На втором месте идут ряды горизонтальных прочерченных линий, разделяющих орнаментальные зоны на тулове сосуда (70%). Ряды не сгруппированных круглых ямок выявлены в 52%. Ямки располагаются под валиком или воротничком сосуда. При этом, только на 22% процентах сосудов, орнаментированных ямками, с внутренней стороны от ямки можно проследить «жемчужину». В большинстве случаев мелкие ямки на атабаевской керамике «жемчужин» на обратной стороне не образуют. В 22 % случаев по тулову сосуда зафиксированы ряды мелких каплевидных вдавлений (насечек) и в 4% по валику. По 14% у рядов косой решетки и горизонтальных оттисков шнура по тулову сосуда. В 12 % косая решетка зафиксирована по валику. Необычным является большой процент (14%) фрагментов керамики, которые орнаментированы рядами из оттисков шнура. Этот орнаментальный мотив более характерен для ананьинской керамики раннего железного века. Однако, наличие на «шнуровой» керамике Луговской II стоянки характерного атабаевского подтреугольного валика и атабаевских орнаментальных мотивов, а также наличие сосуда с плоским днищем, в сочетании со шнуром и с атабаевскими мотивами орнамента – все говорит в пользу того, что мы имеем дело все-таки с керамикой атабаевского этапа маклашеевской культуры позднего бронзового века Волго-Камья.

Маклашеевский этап маклашеевской культуры (рис. 27: 4–5). И наконец, на Луговской II стоянке встречено несколько фрагментов керамики самого финала позднего бронзового века маклашеевского этапа маклашеевской культуры (2 или 3 фр.). Керамика характеризуется цилиндрошейным горлом, наличием сдвоенных и строенных попарно ямок, образующих выпуклины «жемчужины» с внутренней стороны. Маклашеевская посуда выявлена также в погребениях Луговского курганного могильника, расположенного частично на территории Луговской II стоянки (Халиков, 1980, табл. 10). Примечательно, что посуда маклашеевской культуры выявлена на территории поселенческих памятников Луговского комплекса в единичном количестве. Видимо с этим временем, связан уход людей с территории поселенческих памятников,

расположенных на территории современного поселка Луговой. Продолжает функционировать только Луговской курганный могильник (Халиков, 1980, табл. 10). В дальнейшем, в раннем железном веке, грунтовый могильник ананьинской культурно-исторической области функционирует на западной окраине поселка Луговой. Каких-либо поселенческих артефактов этого времени на территории Луговского комплекса не выявлено.

Хозяйство Луговских I и II стоянок (табл. 3).

Несомненно, основой хозяйства населения Луговских стоянок было скотоводство, с преобладанием КРС, что весьма характерно для археологических культур этого времени. Остеологический материал с Луговской I стоянки был описан качественно (Збруева, 1960, с. 20–22). Обозначено преобладание в остеологической коллекции стоянки костей от мелких особей КРС. Остеологические остатки лошади, МРС, и свиньи распределены довольно равномерно на втором месте. Отмечены кости диких животных: лося, кабана, а также бобра и медведя. Для Луговской II стоянки есть количественные данные о соотношении костей из раскопов А.В. Збруевой и А.А. Чижевского (табл. 3). Здесь также зафиксировано преобладание костей КРС и относительно равномерное распределение лошади, МРС, и свиньи. В раскопе А.А. Чижевского также зафиксированы кости рыбы и медведя (Чижевский, 2012, табл. 1).

Такое соотношение домашних животных достаточно типично для луговской культуры и атабаевского этапа маклашеевской культуры. Стабильно здесь достаточно высокая доля свиньи (но все равно чаще всего ниже чем других домашних животных) и занижена доля МРС и лошади, если сравнивать с остеологическими коллекциями степных срубных памятников и андроновских памятников Зауралья, где вообще нет костей свиньи (Обыденнов и др., 1994, табл. 30; Петренко, 2007; табл. 9–12; Лыганов, 2011, табл. 1). Примечательно, что черкаскульская культура (черкаскульско-межовская) стала первой культурой в Зауралье, на поселенческих памятниках которой найдены костные остатки свиньи (поселения Черкаскуль II, Березки V). Возможно, начало развития свиноводства в позднем бронзовом веке в Зауралье было положено хозяйственно-культурным взаимодействием с лесостепным-лесным населе-

нием Приуралья и Прикамья, на поселениях которых стабильно высок процент костных остатков свиньи (Обыденнов и др., 1994, табл. 30).

Одним из наиболее интересных открытий на Луговской I стоянке стало обнаружение спекшейся массы проса возле очага на полу полуземлянки II (Збруева, 1960, с. 20), что свидетельствует о наличии земледелия у населения стоянки. Самого проса или же фотографии этой находки не сохранилось. К подобному факту можно было бы относиться с известной долей осторожности, если бы подобного же открытия не произошло на сусканском памятнике Русская Селитьба на р. Сок, Самарской области. Здесь в одной из ям зафиксировано скопление примерно 3 литров зерна. При флотации выявлено 136 зерен (Черных и др., 1991, с. 159–160). На Русской Селитьбе, также как и на Луговской I стоянке, представлено просо и кроме этого ячмень двух видов и пшеница (Черных и др., 1991, с. 160). Появление проса у носителей сусканско-луговской культуры, вероятно, произошло в результате указанного выше, какого-то опосредованного взаимодействия с носителями тазабагыбской культуры Приуралья, которые непосредственно контактировали с земледельческими оазисами Южной Туркмении (Итина, 1977, с. 177–178). Вблизи тазабагыбских поселений зафиксированы следы оросительной системы. Носители этой культуры выращивали предположительно просо, ячмень и пшеницу (Итина, 1977, с. 177). Какие-то определенные аналогии в материальной культуре населения Средней и юга Средней Азии и сусканско-луговских групп населения Среднего Поволжья и Прикамья нами уже были рассмотрены выше по тексту.

Луговская культура и окружающие культуры позднего бронзового века. Проблема соотношения и хронологии.

Памятники луговской и сусканской культур. Наибольшая близость керамика луговской культуры проявляет с керамикой сусканской культуры, выделенной Ю.И. Колевым (1991, 1999, 2000). Выше уже было отмечено сходство керамических форм и орнамента этих культур. Судя по металлическим изделиям, относящимся к дербеденевскому очагу металлообработки, калиброванным радиоуглеродным датам (XVII–XV вв. до н.э.) это одновременные культурные образования

(Лыганов, 2013; Лыганов, 2018). В литературе даже какое-то время существовал термин сусканско-луговская культура (см., например, Чижевский и др., 2012). Нам кажется это наиболее подходящий термин для данного культурного образования.

Разницу между луговской и сусканской культурой можно проследить по некоторым отличиям в орнаменте на керамике этих культур. Так на луговской керамике в небольшом количестве присутствуют ямки на тулове сосудов, нет валиков, на поселениях выявлена керамика близкая к черкаскульской. Далее на север в таежной зоне, в Среднем Прикамье эти отличия керамических комплексов луговской культуры от лесостепных сусканских усиливаются (Митряков, 2011а; 2011б; 2013, рис. 8–13; 2015, рис. 3; Митряков и др., 2010, рис. 2, 3).

Территориально эти культуры расположены в разных природно-климатических зонах. Сусканская культура – южная лесостепь, изначально широко освоенная носителями срубной культуры, луговская – северная лесостепь и таежная зона, куда носители срубных традиций никогда не проникали. На территории лесостепного Поволжья в дальнейшем сусканская культура сменяется редкими памятниками воротничкового типа атабаевского-межовского облика по Ю.И. Колеву. На большей же территории в это время появляются памятники ивановской (хвалынской) валиковой культуры (Колев, 2000). Иную картины мы можем наблюдать на территории северной лесостепи и таежной зоны. Здесь на всей территории памятники луговской культуры сменяются однообразными в культурном плане памятниками атабаевского этапа маклашевской культуры. Очень хорошо эту смену можно проследить на рассмотренных Луговских I и II стоянках.

Памятники черкаскульской и луговской культур. Проблема культурного и хронологического соотношения.

В литературе достаточно часто памятники, отнесенные нами к луговской культуре, называют черкаскульскими (см., например, Казаков, 2001, с. 62–63; Казаков, 1978). Стоит сравнить материальную составляющую этих двух культур. Первоначально выделенная К.В. Сальниковым черкаскульская культура делилась на несколько этапов. В дальнейшем черкаскульский и межовский этап получили самостоятельный культурный статус. Для

черкаскульской керамики характерны ряды широких желобков-каннелюр, резные зигзаги, пояски из насечек, заштрихованные фестоны, резные меандры почти всегда с поперечной штриховкой. В отличие от федоровской, для черкаскульской культуры нехарактерны косые треугольники. Для черкаскульской керамики в отличие от федоровской характерен резной орнамент, поперечная штриховка полос меандра и некоторые другие элементы и мотивы орнамента (Сальников, 1967, с. 356–358). Все эти особенности классической черкаскульской керамики прослежены на одной из групп керамики (черкаскульско-федоровской) Луговской I стоянки. Отличает черкаскульский комплекс стоянки наличие косых треугольников вершинами вверх, которые более характерны для федоровской культуры. Однако, для основного керамического комплекса Луговской I стоянки, который мы относим к особой луговской культуре, не характерны черкаскульские орнаментальные мотивы: 1) нет широких желобков-каннелюр, 2) отсутствуют меандры и насечки, 3) отсутствует прочерченный орнамент, 4) керамика по общему своему облику более грубая, отсутствует лощение, за редкими исключениями. Вместе с тем присутствуют обедненные андроновские (федоровские) мотивы, косугольные треугольники, горизонтальная елочка, заштрихованные ромбы. Вероятно, правы те исследователи, которые связывают происхождение сусканских и луговских памятников именно с федоровской культурой. Кроме этого, на сусканских и луговских памятниках обычно находилось небольшое количество именно федоровской керамики, а не черкаскульской (Колев, 1999, рис. 8; 2000, рис. 7–11). Исключение составляют самые северные памятники, находящиеся в подтаежной и таежной зоне в Среднем и на севере Нижнего Прикамья. Здесь зафиксировано все же преобладание черкаскульской керамики над федоровской. Это неудивительно, потому что изначально происхождение черкаскульской культуры отчасти связывали с лесным населением Зауралья (Сальников, 1967). Кроме уже упомянутой Луговской I стоянки, это такие поселения как Симониха и Партизанское II в Среднем Прикамье. Среди численно преобладающего комплекса луговской керамики на этих поселениях можно выявить керамику с явными черкаскульскими чертами: рядами широких желобков-каннелюр, меандрами

(Митряков, 2013, рис. 8–10; 2015, рис. 3: 1, 3). Таким образом, влияние черкаскульской культуры на луговскую не стоит преувеличивать. В основном культурное взаимодействие в Нижнем Прикамье и на Средней Волге, видимо, происходило с носителями федоровских традиций.

Интересно и соотношение поселенческой и погребальной керамики луговской культуры. В отличие от федоровской и черкаскульской культур здесь нет такого резкого деления на погребальную (нарядную) и поселенческую (с простыми орнаментальными мотивами) посуду (Матвеев, 2007, с. 23). Погребальная керамика луговской культуры из 8 известных могильников (Балымские и Малоотарские погребения, Мурзихинский II могильник, Коминтерновские курганы, Соколовский IV могильник, Маклашеевские курганы на взвозе, Деуковский могильник, Такталачук) формой, орнаментом, примесями в тесте, повторяет поселенческую (Штукенберг, Высоцкий, 1885, табл. XV; Калинин, Халиков, 1954, с. 206–212; Халиков, 1980, табл. 9; Казаков, 1978; Казаков, 1992; Марков, Чижевский, 2003; Чижевский и др. 2011; Лыганов, 2017). Здесь также, как и на поселенческой керамике, в орнаменте преобладают ряды простых горизонтальных линий, заштрихованные треугольники вершинами вниз, горизонтальная елочка, отдельные вдавления, чередование вертикальных и горизонтальных линий и т.д. Поэтому нельзя говорить о том, что керамика луговской культуры в Прикамье и Среднем Поволжье это «упрощенная» поселенческая керамика черкаскульской или федоровской культуры. При этом, судя по погребальной обрядности, можно проследить влияние черкаскульской на луговскую культуру. Это преобладание ингумаций, скорченных на правом боку, головой на восток и юго-восток, при небольшом проценте кремаций и разнообразных огненных ритуалов в могильниках.

В вопросах взаимодействия черкаскульской, федоровской и луговской культур особое место занимает могильник Такталачук, расположенный на высокой террасе на левом берегу р. Белой в Республике Татарстан. Отдельные погребения могильника относились исследователями к черкаскульско-абашевскому времени и срубной культуре (Казаков, 1978, с. 104), луговской культуре (Ашихмина, 2014, с. 38–39), сусканской культуре (Колев, 1991,

рис. 1), черкаскульской культуре (Обыденнов, Шорин, 2005, с. 52–54) и др. По нашему мнению, могильник является неоднородным как культурно, так и хронологически. Тут, несомненно, присутствуют срубные погребения, которые располагаются в северной части могильника (погр. 303, 304, 316–318). Погребения близкие к сейминскому и абашевскому времени (с оттисками разряженной гребенки, колоколовидной формой сосудов, с характерными престижными металлическими изделиями сейминско-турбинского облика – погр. 193, 247, 268, 298, 300–302, 322, 323) расположены в центральной части могильника. И наконец, погребения федоровского, черкаскульского и луговского облика расположены по южной периферии могильника, которую удалось выявить раскопами I–IX. Керамика этих погребений во многом схожа, вся она с обильной примесью раковины, схожими орнаментальными мотивами. При этом с трудом угадываются культурно-диагностирующие признаки для каждой из культур. Так на черкаскульской керамике из Такталачука нет таких характерных мотивов орнамента, как ряды широких желобков-канелюр. Сам исследователь, Е.П. Казаков, отмечал своеобразие черкаскульской посуды из Такталачука. Им же отмечено, что вероятно это поздний этап развития черкаскульской культуры, с тем только отличием, что на посуде из Такталачука не выявлены воротнички и валики, характерные для позднего межовского этапа (Казаков, 1978, с. 104–105). Для посуды из некоторых погребений характерен федоровский орнамент – косоугольные треугольники, и меандры, нанесенные оттисками гребенчатого штампа; и форма – сосуд с подквадратным устьем (погр. 170, 190). При этом, на территории могильника не выявлены характерные для «федоровки» трупосожжения. Погр. 219, 222, 260 (правобочные с ориентировкой костяков на восток и юго-восток, с керамикой характерных форм и орнаментов, с обильной примесью раковины в тесте сосудов) относятся, вероятно, к луговской культуре. При всем при этом, большинство погребений могильника Такталачук сочетает в себе признаки нескольких культур – черкаскульской, федоровской, луговской и срубной. Так неорнаментированные банки срубного облика, но только с обильной примесью раковины и органики в тесте, с костяками, ориентированными на восток, северо-восток выявлены в погр. 227, 324, 331, 332,

335. Видимо, могильник Такталачук является своеобразным памятником, характеризующим смешение различных групп населения в контактной территории. Сложно со стопроцентной уверенностью, отнести его к какой-либо из культурных групп этого времени.

Время существования луговской культуры определено по находкам характерных металлических вещей дербеденевского очага металлообработки, который синхронизируется с лобойковским очагом. Изделия лобойковско-дербеденевского типа удревнены сейчас вплоть до XVI в. до н.э. Интересно, что с дербеденевской металлообработкой чаще всего связывают черкаскульскую, луговскую и сусканскую культуру. Действительно и там, и там есть характерные вещи в виде кельтов с лобным ушком и пещеркой и литейных форм к ним, ножей кинжалов с кольцевидным упором, литых долот. О принадлежности луговской культуры к дербеденевскому металлургическому очагу говорит находка ножа с клинком остролистой формы, с кольцевидным упором в основании черешка в погребении № 5 на Балымском поселении. Нож в погребении был обнаружен вместе с характерным луговским сосудом (Калинин, Халиков, 1954, рис. 33). Находки Дербеденевского и Кармановского кладов, в которых сочетаются нож аналогичный происходящему из погребения № 5 на Балымском поселении с серпами и одноушковыми кельтами дербеденевского типа. Пять ножей из упомянутого могильника Такталачук (погр. 49, 70, 145, 190, 282) относятся к группе двулезвийных ножей и кинжалов с клинком остролистой формы, с четко выраженным перехватом и подромбическим плоским перекрестием по В.С. Бочкареву и определены к лобойковско-дербеденевской группе металлических изделий (Казаков, 1978, рис. 22; Бочкарев, 2017, рис. 9: 43). К дербеденевскому металлургическому очагу относится кинжал с лезвием с тремя ребрами жесткости на клинке из луговского погребения №84 Мурзихинского II могильника (Чижевский, Марков, рис. 2: 7). Лезвие от кинжала подобного же типа происходит из Осиновых ям сусканской культуры (Колев, 1991, с. 198). Интересна находка на полу сусканского жилища поселения Поплавское орнаментированного кельта с лобным ушком с пещеркой (Колев, 2000, рис. 12: 13) того же типа, что и орнаментированный кельт с лобным ушком и пещеркой из Дербеденевского клада

(Кузьминых, 1981, рис. 8: 3); и находка литейной формы от схожего орнаментированного кельта с пещеркой, но без ушка на поселении Чебаркуль III черкаскульской культуры (Алаева, 2015, рис. 4: 5). Кельты с пещеркой, но без лобного ушка, характерны только для Зауралья и связаны с черкаскульской культурой (Тихонов, 1960, с. 48). С черкаскульской культурой в Зауралье и луговской, сусканской в Прикамье и на Среднем Поволжье связано и производство криволезвийных (желобчатых) долот с литой втулкой, край которой зачастую укреплен одним валиком. Это литейная форма из Липовой Курьи черкаскульской культуры (Хлобыстина, Хлобыстина, 1967, рис. 1–2). Орнамент долота из Липовой Курьи повторяет орнамент на одном из одноушковых кельтов Дербеденевского клада (Кузьминых, 1981, рис. 8: 1). Кроме этого в составе клада присутствует схожее желобчатое долото, но неорнаментированное и без выраженного валика. Как было отмечено выше, такие долота продолжают свое развитие в межовской культуре и на атабаевском этапе маклашеевской культуры. Перечисленные категории изделий, характеризуют дербеденевский очаг металлообработки, и относятся к лобойковско-дербеденевской группе металлических изделий Восточной Европы по В.С. Бочкареву (Бочкарев, 2017, с. 171–172, рис. 9, прил. 1). При этом типы изделий луговской и сусканской культур в целом схожи, а черкаскульские имеют определенное своеобразие.

Радиоуглеродные калиброванные даты сусканских и луговских памятников укладываются в промежуток XVII–XV вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 250; Лыганов, 2018, табл. 1). Черкаскульские калиброванные радиоуглеродные даты укладываются в большой промежуток времени (1600–1250 гг. до н.э.) (Матвеев, 2007, табл. 3; Молодин и др., 2014, рис. 2), но во многом синхронны сусканским и луговским, начало их лежит также в XVII/XVI в до н.э. Несколько более ранние даты у федоровских памятников (1880–1670 гг. до н.э. Южное Зауралье, 1980–1510 гг. до н.э. Зауралье (лес-лесостепь), 1800–1500 гг. до н.э. Барабинская лесостепь). Хотя это и не противоречит преобладающим взглядам о временном приоритете федоровских памятников над черкаскульскими (Епимахов и др., 2005, с. 100, рис. 3; Молодин и др., 2014, рис. 2).

Таким образом, можно утверждать, что луговская и сусканская культуры формирова-

лись на основе поздних федоровских (федоровско-бишкульских по Ю.И. Колеву) памятников и синхронны черкаскульской культуре. Продолжающимся взаимодействием черкаскульской культуры является появление на Прикамских поселениях черкаскульской керамики и некоторая схожесть в погребальной обрядности этих культур. Это преобладание трупоположений, скорченных на правом боку, головой на восток и юго-восток, при небольшом проценте трупосожжений и разнообразных огненных ритуалов в могильниках. Однако степень этого влияния не стоит переоценивать. Схожи и типы металлических изделий этих культур при определенном своеобразии металла черкаскульской культуры. Дальнейшее развитие сусканской и луговской культуры продолжается в своем русле.

Памятники межовской и луговской культур. Проблема соотношения. Поздне-луговские памятники.

Еще сложнее дело обстоит с выявлением связей луговской и межовской культур. Первоначально выделенная как второй этап черкаскульской культуры, межовская культура характеризовалась следующими признаками. Для керамики межовской культуры характерны валики разной степени выпуклости и воротнички. Чаще всего сосуды украшены резным орнаментом, гораздо реже гладким штампом и оттисками гребенки. Среди мотивов орнамента преобладают горизонтальная елочка, наклонные отрезки, горизонтальные резные линии, ромбическая сетка из перекрещивающихся линий, горизонтальный зигзаг, заштрихованные наклонные ленты, небольшие вдавления и др. (Сальников, 1967, с. 359–364; Обыденнов, 1998, с. 23–24).

Существование межовской культуры в Зауралье на сегодняшний день подвергается переосмыслению. Для межовской культуры в Зауралье нет однослойных поселений, нет погребений, нет комплекса специфических, равно как и фоновых, признаков заключительной фазы позднего бронзового века (Корочкова, 2011, с. 19). Чаще всего, в Зауралье поселенческая керамика черкаскульской и межовской культур залегает в едином стратиграфически нерасчлененном слое.

В отличие от Зауралья в Приуралье и Прикамье есть погребения и погребальные комплексы, которые целиком и полностью можно отнести к межовской культуре. Речь, прежде всего, о Красногорских курганах в

Приуралье и Подгорно-Байларском кургане в Прикамье (Казаков, 1978; Горбунов, Обыденнов, 1980). На поселениях межовская керамика, которую исследователи традиционно называют в Прикамье постлуговской или позднелуговской, планиграфически зачастую залегает отдельно от луговской и черкаскульско-федоровской. Таким образом, планиграфически, в Прикамье на поселенческом материале удастся разделить керамические комплексы черкаскульской и межовской культур. Рассмотренные Луговская I и II стоянки как раз характеризуют смену одновременных черкаскульской и луговской культур на межовскую (позднелуговскую) и атабаевский этап маклашеевской культуры. Некоторые наблюдения сделаны авторами и на ряде других крупных многослойных поселениях Прикамья, где выявлены участки с одной лишь межовской (позднелуговской) керамикой. Интересно соотношение межовской (позднелуговской) керамики и керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры на Луговской II стоянке, где они залегают в одном слое. Хотя при этом межовская керамика концентрируется все же вне территории сооружений и не образует развалов, а атабаевская в виде крупных развалов находится в самом низу построек.

Что касается межовских комплексов Приуралья и атабаевских Прикамья, то, по всей видимости, это культуры одного времени, но расположены на разных территориях – атабаевские комплексы тяготеют к северу лесостепи и таежной зоне Среднего Поволжья и Прикамья, межовские тяготеют к лесостепным районам Прикамья и бассейна р. Белой. В ближайшей округе приустьевой части рр. Белой и Ик встречаются симбиозные памятники обеих родственных культур, что прослежено на материалах Луговской II стоянки.

Погребальные памятники этих культур также демонстрируют схожесть. Погребенные атабаевского этапа маклашеевской культуры, как и межовской культуры расположены, преимущественно, вытянуто на спине, что как раз является одним из признаков третьей фазы позднего бронзового века.

Керамика обеих культурных образований в некоторых чертах сходна, а в некоторых различна. Это можно проследить на материалах Луговской II стоянки. Схожа межовская и атабаевская керамика горшковидной формой сосудов, с четко выделенной, профилиро-

ванной шейкой, наличием характерных для времени ОКВК валиков и воротничков, наличием примеси раковины в глиняном тесте. Атабаевская керамика отличается большей тонкостенностью, обильной примесью раковины в тесте сосудов. В орнаменте – наличием ямок или вдавлений под валиком, которые совсем не характерны для «межовки», наличием рядов мелких овальных или каплевидных вдавлений. Валик на атабаевской керамике всегда расположен под срезом венчика и никогда не спускается на горло.

Немногочисленные металлические вещи из межовских Красногорских курганов (Горбунов, Обыденнов, 1980, рис. 3) можно отнести к красномаяцкому очагу металлообработки, который наследует по времени лобойковско-дербеденевскому (Бочкарев, 2017, с. 173–174). Также встреченный в закрытых комплексах (погребениях) атабаевский металл относится к красномаяцкой группе металлических изделий Восточной Европы (см. статью в данном журнале). В Зауралье, схожие типы металлических изделий можно проследить в пахомовской культуре (Ткачев Ал. Ал, Ткачев А.А., 2009, рис. 3).

Таким образом, межовская культура, несомненно, существует в Приуралье, что подтверждается наличием погребальных комплексов с характерной керамикой, металлическим инвентарем и вытянутым расположением костяков. В Приуралье, вероятно, развитие межовской культуры происходит по сценарию, предложенному М.Ф. Обыденновым (Обыденнов, 1998). Хотя вопросы по хронологии, происхождению и дальнейшим судьбам «межовки» так и остаются нераскрытыми. Несколько сложнее дело обстоит в Прикамье. Здесь комплексы межовского облика быстро сменяются атабаевским этапом маклашеевской культуры, единой на территории Среднего Поволжья и Прикамья. Межовские комплексы здесь так и остаются как бы в переходном состоянии, не получая своего дальнейшего развития. Поэтому, возможно, права Л.И. Ашихмина, которая не относит эту керамику к межовской культуре, а называет ее позднелуговской (постлуговской), потому что она отражает, с одной стороны, развитие керамических традиций луговской культуры, а с другой – появление новых признаков, характерных уже для общности культур валиковой керамики. Однако отнести эту керамику целиком к луговской культуре, на ее позднем

этапе, мы тоже не можем. Помимо характерной керамики, встреченной на многослойных поселениях в Нижнем Прикамье, других характеристик этого этапа мы не имеем, т.о. получается ситуация сходная с выделением межовской культуры в Зауралье (Корочкова, 2011, с.19).

Поэтому в данной работе, мы все же, предлагаем называть керамику этого типа межовской (позднелуговской), что отражает ее культурно-хронологический статус и территориальное распространение в ареале луговской культуры в Прикамье.

Памятники срубной культурно-исторической общности и луговская культура.

Зачастую в литературе можно услышать вывод о схожести сусканской и луговской керамики с керамикой срубной общности. При этом, характеризуя сусканскую и луговскую керамику, исследователи ее часто описывают, как симбиоз срубно-андроновских традиций (Збруева, 1960). Такой подход не совсем верен. Во-первых, это уже отмеченная выше территория распространения луговской культуры, на большей части которой срубных памятников никогда не было. Не зафиксированы симбиозные закрытые комплексы (погребения) сусканско-луговской и срубной культур, о чем неоднократно упоминалось. Обряд погребения разный: у срубников на левом боку с ориентировкой преимущественно на север и северо-запад, а у носителей луговской культуры на правом боку с ориентировкой преимущественно на восток и юго-восток. Металлические изделия срубной общности и луговской культуры относятся к разным хронологическим группам металлических изделий позднего бронзового века (Бочкарев, 2017). Судя по радиоуглеродным датам, памятники срубной общности предшествуют луговским.

Однако, на позднем этапе развития срубной общности и раннем этапе луговской культуры, несомненно, носители данных культурных образований сосуществовали. Этому свидетельствуют то, что на ряде поселений Закамья срубная и луговская керамика залегают в едином слое. Луговские погребения выявлены на отдельной территории в, вероятно, более ранних срубных могильниках (могильник Такталачук, Соколовские III и IV могильники) и поселениях (Деуковское поселение и могильник). Отдельные насыпи сусканской культуры выявлены в составе курганных

могильников срубной культуры (Колев, 2000, с. 250). Видимо под воздействием носителей срубной культуры на памятниках луговской культуры появляются нехарактерные для андроновидных древностей небольшие баночные сосуды, при этом с примесью раковины и со скошенным внутрь срезом венчика.

Памятники луговской культуры и андроновидные культуры Западной Сибири и Средней Азии

Черкаскульской и федоровской культурами не исчерпывается круг аналогий носителей луговской материальной культуры. Однако другие, так называемые, андроновидные культуры Зауралья имеют меньшее сходство с луговскими древностями. Прежде всего, можно было бы говорить о сходстве с древностями пахомовской культуры. Однако, судя по орнаменту на сосудах, с поясками ямок, глубоких каплевидных вдавлений, наличию зольников на окраинах поселений, вытянутых на спине погребений, группе металлического инвентаря (Ткачев Ал. Ал, Ткачев А.А., 2009, рис. 3; Корочкова и др., 1991, с. 81–85; Корочкова 2011, с. 16–18), пахомовская культура все же ближе по времени межовской (позднелуговской) и атабаевскому этапу маклашеевской культуры, то есть материалу Луговской II стоянки. Другие еще более восточные андроновидные культуры – сузгунская, еловская и т.д. – тоже ближе материалу Луговской II стоянки (Корочкова и др., 1991, с. 81–85).

Очень интересна выявленная схожесть керамических комплексов и построек сусканско-луговской группы памятников и тазабагыбской культуры Южного Приаралья. Здесь, наряду с андроновскими (алакульскими) горшками, можно выделить горшки собственно тазабагыбские с упрощенными орнаментальными мотивами схожими с сусканско-луговскими. Некоторые горшки имеют характерный для сусканско-луговских керамических комплексов отогнутый наружу край венчика (Итина, 1977, рис. 33–40). При определении тазабагыбской керамики исследователи говорят о присутствии в ней черт срубной и андроновской культур. Таким же образом исследователи зачастую характеризуют и сусканско-луговские комплексы. Обращают на себя внимание выходы-тамбуры с расширением в напольной части, выявленные на сусканских поселениях Нижняя Орлянка II и Русская Селитьба II (Колев и др., 1995, рис. 2). Сходство построек в Русской Селитьбе II

и Нижней Орлянке II определяется кроме прочего наличием овального расширения с внешней стороны тамбура. Нельзя не обратить внимание на некоторое сходство этих тамбуров с айванами тазабагъябских построек (Итина, 1977, рис. 8–12, 30, 31). Кроме этого, наличие сосудов-кубков на Луговских стоянках, специального очага «крематория» в полуземлянке I и находки зерен проса на некоторых памятниках сусканской и луговской культур – все это находит некоторые аналогии в древностях юга Средней Азии (Итина, 1977; Аванесова, 2013).

На наш взгляд, все эти сходства столь удаленных друг от друга культур является конвергентным развитием и ни в коей мере не свидетельствуют о крупных миграциях различных групп населения.

Выводы.

1. Луговская I и II стоянки, хотя и относятся к единому комплексу памятников и отстоят друг от друга не более чем на 200 м, относятся к разным культурно-хронологическим горизонтам позднего бронзового века Волго-Камья. Стоянки относительно однослойны, т.е. керамика луговской культуры на Луговской I стоянке составляет около 90 %, керамика одновременных межовской и атабаевской культур на Луговской II стоянке не менее 90 %

2. Луговская I стоянка является реперным памятником для выделения луговской археологической культуры позднего бронзового века Волго-Камья. Жилищные котлованы и не менее 80 % находок с территории стоянки характеризуют луговские традиции домостроения и особенности керамического комплекса.

3. Керамика луговской культуры характеризуется следующими признаками. Орнамент покрывает верхнюю треть сосуда и состоит в большинстве случаев из одной-двух, реже трех зон, разделенных одной-тремя горизонтальными линиями. Каждая из орнаментальных зон характеризуется особым орнаментальным мотивом. Господствующие мотивы орнамента в верхней орнаментальной зоне это ряды горизонтальных линий проведенных гладкой гребенкой и ряды косо поставленных отпечатков гладкой или иногда разреженной гребенки, разнообразных вдавлений. Во второй и третьей орнаментальной зоне преобладающими мотивами являются один или несколько рядов горизонтальной елоч-

ки, горизонтальные зигзаги, заштрихованные треугольники вершинами вниз и ромбы иногда с бахромой из мелких вдавлений. В качестве искусственных добавок в тесто сосудов использован мелкий шамот, песок и иногда встречается небольшое количество дробленой раковины. Сосуды плоскодонные, кроме некоторых небольших чашеобразных сосудов. Еще одной характерной особенностью керамики луговской культуры является отогнутый наружу край венчика.

4. Судя по известным калиброванным радиоуглеродным датам и металлическим вещам луговской культуры, относящимся к дербеденевскому очагу металлообработки и лобойковско-дербеденевской группе металлических изделий Восточной Европы, датируется основной комплекс Луговской I стоянки в пределах XVII–XV/XIV вв. до н.э.

5. Луговская культура сформировалась позже срубной и федоровской, но одновременно черкаскульской. В общем облике керамики и погребального инвентаря прослеживается влияние федоровской и черкаскульской культур. Луговская культура, совместно с сусканской, образуют единый пласт памятников с некоторыми локальными различиями, что позволяет выделить их в единую сусканско-луговскую культуру.

6. На Луговской I стоянке выявлен особый обряд погребения в «очаге-крематории» полуземлянки I. По всей видимости, это коллективное захоронение с использованием, огненного обряда погребения, который характерен в первую очередь для федоровской культуры. Погребения с применением огня известны также в среде других андроновских и андронидных культур. Однако, прямых аналогий такому обряду погребения на Луговской I стоянке не найдено.

7. На Луговской I стоянке выявлены зерна проса. Это одно из самых северных и ранних свидетельств земледелия в Волго-Камье и в целом в Северной Евразии. Подтверждением тому, что носители луговской и родственной сусканской культур были знакомы с земледелием, является находка большого количества зерен культурных злаков (в том числе и проса) в яме-хранилище поселения Русская Селитьба в Самарском Поволжье.

8. Луговская II стоянка, более поздняя по времени, чем Луговская I, относится к атабаевскому этапу маклашевской культуры и межовской (позднелуговской) культу-

ре. Появление на атабаевской и межовской керамике валиков и воротничков определяется временем распространения в степной зоне общности культур валиковой керамики (XV–XIII вв. до н.э.).

9. Судя по металлическим изделиям, обряду погребения, орнаментации сосудов валиками и воротничками атабаевский этап маклашеевской культуры и межовская культура одновременны и синхронны с ивановской, алексеевско-саргаринской культурой степной зоны Евразии и некоторыми

андроноидными культурами Зауралья, например, пахомовской.

10. Судя по незначительному количеству керамики маклашеевского этапа маклашеевской культуры финала бронзового века (XI–X вв. до н.э.) на территории Луговской II стоянки, в это время поселенческие памятники в округе поселка Луговой перестают существовать. Но вместе с тем еще продолжает функционировать Луговской курганный могильник, расположенный частично на территории Луговской II стоянки.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии / Отв. ред. акад. А.А. Аскаров. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 640 с.

Агапов С. А., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2012. №3. С. 44–59.

Азаров Е.С. К планиграфии поселений культуры «текстильной» керамики позднего бронзового века Поочья. Жилые постройки. // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С.63–79.

Алаева И.П. Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое (Сборник статей, посвященный 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина) / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Костанай – Алматы, 2015. С. 474–484.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АНРТ, Отечество, 2014. 298 с.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА №99. М: АН СССР, 1961. 199 с.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. №2. С.159–204.

Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С.167–197.

Выборнов А.А., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Поселение Бачки-Тау II – Новый памятник неолита – энеолита Нижнего Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев, 1982. С. 195–209.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: Фэн, 2003. 222 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Итоги раскопа Игимской стоянки и могильника // Отчет Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Том.1. Казань, 1971 / Архив ИА РАН. Р-1, №4121. С. 15–78.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Отчет о работах, проведенных летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб. - Челнинского районов ТАССР // Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1971 г. Том. 1. Казань, 1972. / Архив ИА РАН. Р-1, №4601. С. 27–133.

Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 51–71.

Генинг В.Ф., Старостин П.Н. Кумысские стоянка и могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. М.: Наука, 1972. С. 87 – 104.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. 1984. №4. С. 150–162

Денисов В.П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 29-50.

Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках, проведенных Пермским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4641. 137 с.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (24). Пермь, 2014. С. 44–59.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Тресков С.А. Поселение Рычино III в Удмуртском Прикамье и валиковая керамика в позднегаринском культурном пространстве. // Труды КАЭЭ. Вып. 8. Пермь, 2012. С. 115–120.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. (По материалам Изылинского археологического микрорайона) / Отв. ред. А.В. Матвеев. Новосибирск: Наука Сибирское предприятие РАН. 1997. 132 с.

Збруева А.В. Из работ Куйбышевской экспедиции // КСИИМК. М.: ИА АН СССР, 1941. Вып. 10. С. 108–111.

Збруева А.В. Отчет о работах Камской экспедиции ИИМК в 1946 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 60. 20 с.

Збруева А.В. Отчет о полевых работах Камской экспедиции в июне-августе 1947 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 129. 24 с.

Збруева А.В. Отчет о раскопках Камской экспедиции ИИМК в 1948 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 231. 26 с.

Збруева А.В. Камская экспедиция 1946 г. // КСИИМК. М.: ИА АН СССР, 1948. Вып. 20. С. 50–57.

Збруева А.В. Памятники поздней бронзы в Прикамье // КСИИМК. М.: ИА АН СССР, 1950. Вып. 32. С. 70–84.

Збруева А.В. Памятники поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. №80. М.: ИА АН СССР, 1960. С. 10–95.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977. 246 с.

Казаков Е.П. Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 56–73.

Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 67–108.

Казаков Е.П. Подгорно-Байларский курганный могильник // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 121–125.

Казаков Е.П. Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 35–44.

Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. Казань: РИЦ Дом печати, 1999. 120 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. №42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 157–246.

Колев Ю.И. Новый тип памятников эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С. 162–206.

Колев Ю.И. Керамические комплексы поселений позднего бронзового века в нижнем течении р. Сок // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1. С. 249–269.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 242–301.

Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок. (Предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 50–110.

Корепанов К.И. Научный отчет об археологических исследованиях Луговского раннеананьинского могильника и Луговской IV стоянки в 1988 году. Елабужский район ТАССР. Елабуга, 1989 / Архив ИА РАН. Р-1. № 13294. 80 с.

Корепанов К.И. Научный отчет об археологических исследованиях Луговской III и Ананьинской стоянок в Елабужском районе Татарской АССР в 1989 году. Елабуга, 1991 / Архив ИА РАН. Р-1. № 15861. 80 с.

Корочкова О.Н. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. 2009. №1. С. 25–35.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: Факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011. 37 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С.70–92.

Краснов Ю.А. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР // СА. 1965. № 2. С. 57–74.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы / МИА. № 174. М.: Наука, 1971. 166 с.

Кузьмина Е.Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков. Археологический сборник / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 16–24.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Отв. ред. А.А. Ткачев. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ. / Ред. О.П. Ермолаев / Ермолаев О.П., Игонин М.Е., Бубнов А.Ю., Павлова С.В. Казань: Слово, 2007. 411 с.

Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры: монография / А.Н. Голотвин и др. – Липецк, Воронеж: ПП Новый взгляд, 2016. 160 с.

Ломан В.Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 247–259.

Лыганов А.В. Скотоводство у населения Волго-Камья в позднем бронзовом веке // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. Вып.4 (26). С. 126–132.

Лыганов А.В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с.

Лыганов А.В. Коминтерновский курган №1 луговской культуры в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2017. №3(21). С. 97–116.

Лыганов А.В. Андронидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ, 2018. С. 128–130.

Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисьяметдинова А.А. Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации: сб. науч. тр. / Общ. ред. А.М. Белавин. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2012. С.134–142.

Лычагина Е.Л. Хронологические рамки неолитических и постнеолитических культур Среднего Предуралья // Уральский исторический вестник. Выпуск 3 (60). Екатеринбург, 2018. С. 87–96.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. Казань, 2009 (2). С. 33–36.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с.

Марков В.Н., Чижевский А.А. Погребения эпохи бронзы Мурзихинского II могильника // Древности. Вып. 36 / Отв. ред. А.А. Бурханов. М. Казань: РАО, 2003. С. 125–133.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири / под. ред. Н.П. Матвеевой. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–42.

Мельничук А.Ф. Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (15). Пермь, 2011. С. 22–36.

Митряков А.Е. Керамические комплексы эпохи бронзы Удмуртского Прикамья: Морфологические и орнаментальные традиции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011а. 26 с.

Митряков А.Е. Проблемы функционирования поселений эпохи бронзы Удмуртского Прикамья (по материалам керамического комплекса Зуевключевского II поселения) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2011б. № 1. С. 50–54.

Митряков А.Е. Керамический комплекс Партизанского II поселения в Среднем Прикамье // Вестник Удмуртского Университета. Серия: История и филология. 2013. №1. С. 74–78.

Митряков А.Е. Поселение Симониха I – памятник эпохи бронзы в Удмуртском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 1 (28). С. 31–36.

Митряков А.Е., Решетников Н.Л., Черных Е.М. Усть-Нечкинское I поселение – новый памятник позднего бронзового и раннего железного века в Среднем Прикамье // УАВ. 2010. № 10. С. 2–35.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Морозов В.В., Лыганов А.В., Капленко Н.М. Позднеэнеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2017. №3. С. 70–88.

Мочалов О.Д. Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА. 2004. № 2. С. 123–135

Обыденнов М.Ф. Урал и Прикамье в позднем бронзовом веке. автореф. дисс. докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. 40 с.

Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа: Восточный университет, 1997. 205 с.

Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа: БЭК, 1998. 201 с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Саратов. ун-т, Самарск. Филиал. 1992. 172 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Черкаскульская культура. Учебное пособие. Уфа: Юридический колледж, 2005. 138 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала поздней бронзы. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 116 с.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №2 (38). С.67–78.

Смирнов А.П. Введение // Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье / МИА; № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. 1960. С. 5–9.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / ТМАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа / МИА. №90 / Отв. ред. О.Н. Бадер, С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1960. С. 5–115.

Ткачев А.А., Ткачев, Ал.Ал. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №11. С.81–89.

Фоломеев Б.А. Жилища стоянки Фефелов Бор I // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 236-252.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Халиков А. Х., Генинг В. Ф. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Казань, 1960 / Архив ИА РАН. Р–1. № 1951. 168 с.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 65 с.

Хлобыстина М.Д., Хлобыстин Л.П. Литейная форма из Южного Зауралья // СА. 1967. №2. С. 236–240.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БГУ, 1983. С. 81–99.

Черных Е.Н. Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Ю., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Моргунова Н.М., Орловская Л.Б., Тонейшвили Т.О. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Наговицын Л.А. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С.159–162.

Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.

Чижевский А.А. Исследования Луговской II стоянки в 2008 г. // Филология и культура. Казань, 2012. №2. С. 297–302.

Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В. Коминтерновский курган №2 // Урало-Поволжье в древности и средневековье: мат. междунар. науч. конф. V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып. 11. Казань, 2011. С. 261–271.

Шипилов А.В. Валиковая керамика эпохи финального энеолита Иско-Бельского междуречья (по материалам Игимской стоянки) // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 308–311.

Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Тр. ОЕКУ. Казань: Типография Императорского Университета, 1885. Т. XIV, вып. 5. 133 с.

Информация об авторах:

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

Морозов Виктор Владимирович, независимый исследователь (г. Москва, Россия); vikromolot@mail.ru

Азаров Евгений Сергеевич, младший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (г. Москва, Россия); hazari4@yandex.ru

LUGOVSKAYA I AND II SITES AND THE ISSUE OF THE INTERACTION OF CHERKASKULSKAYA, LUGOVAYA AND MEZHOVSKAYA CULTURES IN THE LOWER KAMA REGION

A.V. Lyganov, V.V. Morozov, E.S. Azarov

The article considers Lugovskaya I and II sites, the materials of which formed the basis for identification of a number of cultures of the Late Bronze Age in the Volga-Kama region in the second half of the 20th century. The authors conclude that Lugovskaya I and II sites belong to different cultures and different cultural and chronological horizons of the Late Bronze Age of the Volga-Kama region. Lugovskaya I site is a reference monument of Lugovo archaeological culture. According to the known calibrated radiocarbon dates and metal articles of Lugovskaya culture, the main complex of Lugovskaya I site dates back to the 17th-15th / 14th centuries B. C. Lugovskaya culture itself was formed in a later period than Srubnaya and Fedorovo, and coincides with Suskanskaya and Cherkaskulskaya cultures, which is partly confirmed by site materials. A special fire burial rite was revealed at Lugovskaya I site in the settlement area, and its earliest traces were discovered in an agricultural activity area. Lugovskaya II site corresponding to a later period than Lugovskaya I, belongs to the Atabaevo stage of Maklasheevo culture and Mezhovskaya (Late Lugovskaya) culture. According to the metal articles, funeral rite, ornamentation of the vessels with rollers, the Atabaevo stage of Maklasheevo culture and Mezhovskaya culture are synchronous with the roller cultures of the Eurasian steppe area and certain Andronoid cultures of the Trans-Urals. Based on the counterparts, the material of the site dates back to the 14th-12th centuries B.C. According to the insignificant amount of ceramics of the Maklasheevo stage of Maklasheevo culture of the Final Bronze age (11th-10th centuries B.C.), Lugovskaya II site is deserted in the specified time period.

Keywords: Lugovskaya sites, settlement, Lugovskaya culture, Fedorovo culture, Cherkaskulskaya culture, Late Lugovskaya sites, Mezhovskaya culture, Srubnaya Cultural and Historical Community, dwellings, ash pit, cremation, settlement burials, early agriculture, ceramics.

About the Authors:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Primeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia); liganov.anton@yandex.ru

Morozov Viktor V. Independent Researcher (Moscow, Russia); vikromolot@mail.ru

Azarov Evgeny S. State Historical Museum (Moscow, Russia); hazari4@yandex.ru

Таблица. 1.

Основные орнаментальные мотивы на керамике луговской культуры Луговской I стоянки.

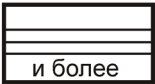
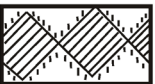
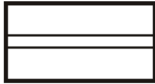
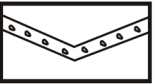
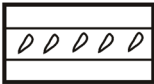
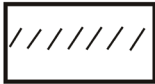
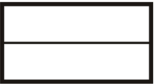
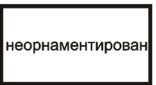
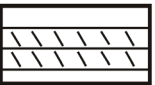
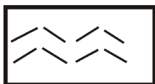
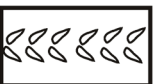
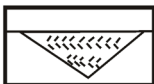
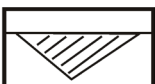
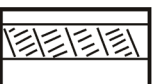
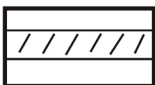
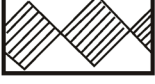
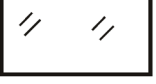
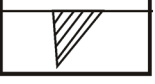
	-35%		-5,5%		-3,1%		-0,7%
	-30%		- 5,5%		-3,1%		-0,7%
	-21%		- 5,5%		-2,3%		-0,7%
	-16%		- 5,5%		-2,3%		-0,7%
	-12%		- 5,5%		-2,3%		-0,7%
	-10,3%		-4%		-1,5%		-0,7%
	-8%		-4%		-1,5%		
	-7,1%		-4%		-1,5%		
	-6,3%		-3,1%		-1,5%		

Таблица. 2.
Основные орнаментальные мотивы на керамике Луговской II стоянки. 1 – Межовская (постлуговская) культура, 2 – Атабаевский этап маклашеевской культуры.

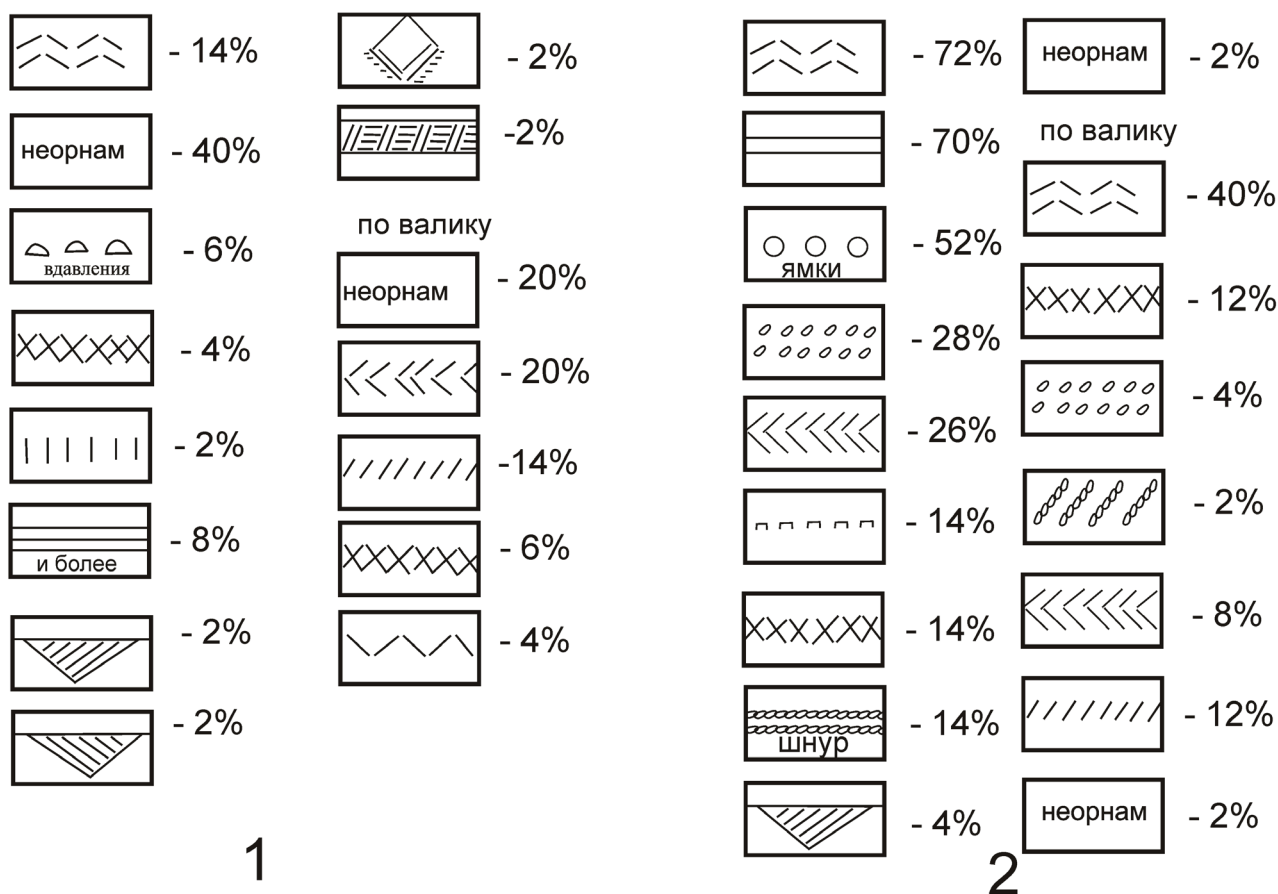

Таблица. 3.
Видовой состав домашних животных из раскопов на Луговской II стоянке по остеологическим данным..

Луговская II стоянка	Всего ко-стей от с/х. животных	Число костей в%			
		КРС	МРС	Лошадь	Свинья
А.В. Збруева, 1947-48 гг	128	48,4	14,1	20,5	17
А.А. Чижевский, 2008 г	312	76,6	8,7	8,7	6,0

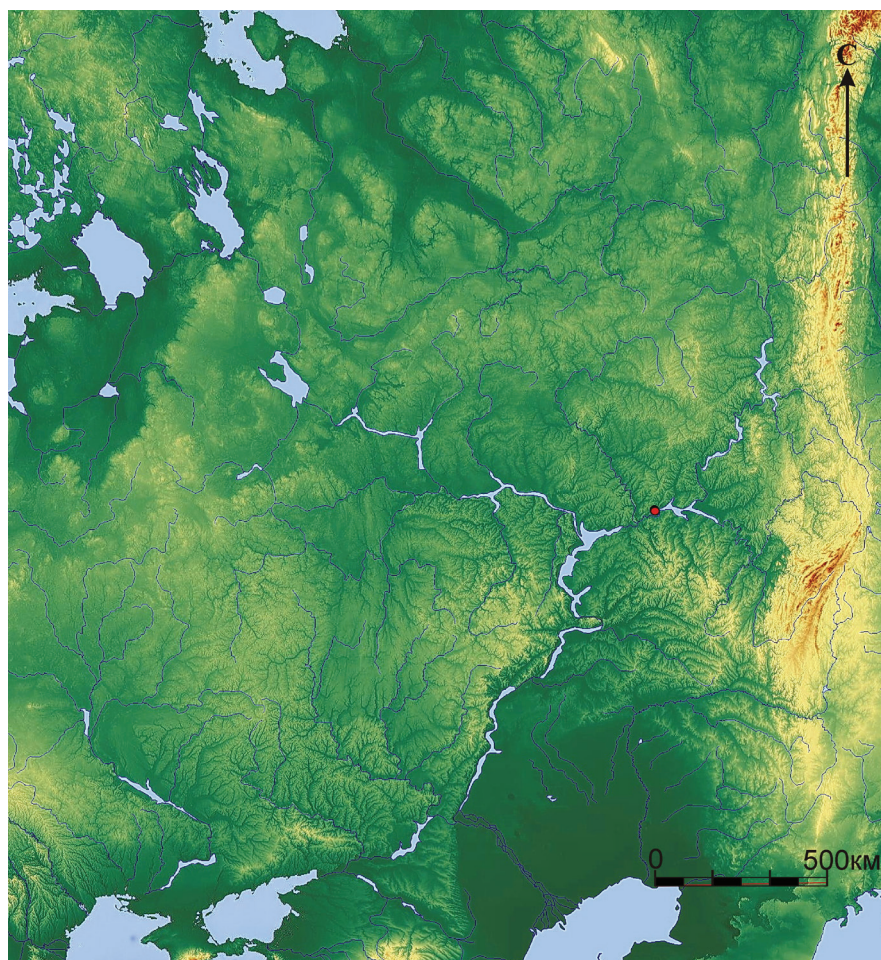

Рис. 1. Луговские стоянки на карте Европейской части России.

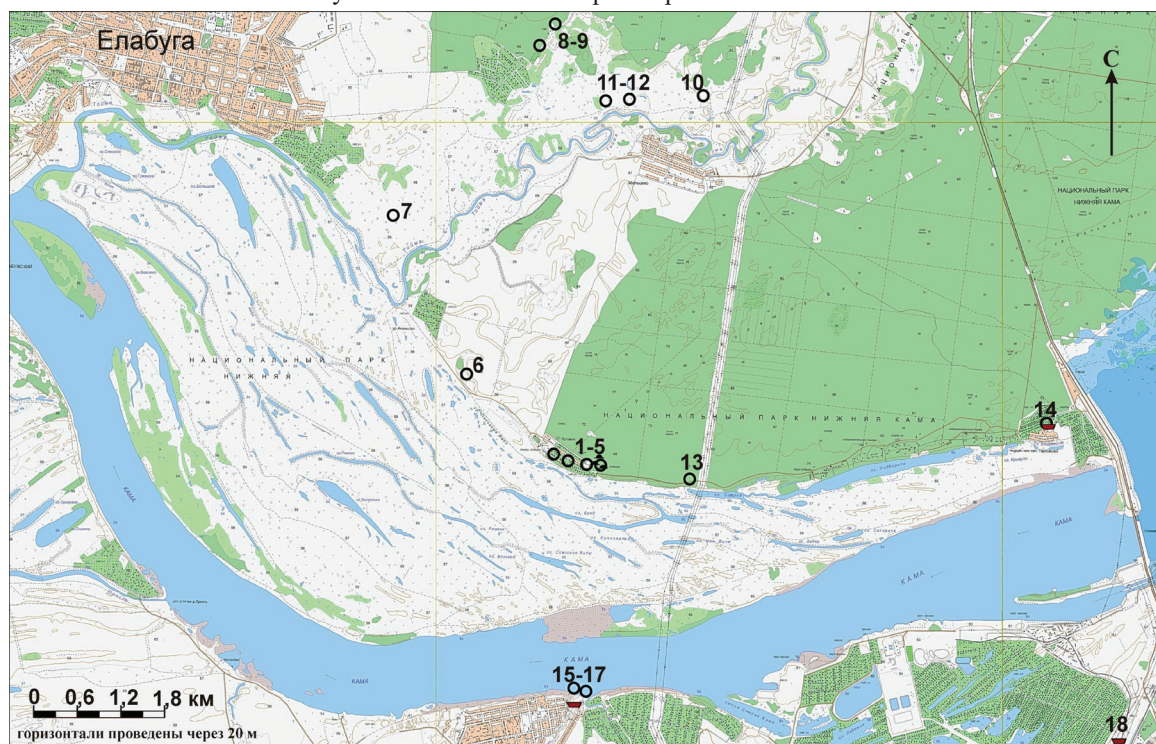

Рис. 2. Ситуационный план Луговских стоянок и ближайшей округи с памятниками позднего бронзового века: 1–5 – Луговские I–IV стоянки и Луговской курганный могильник; 6 – поселение на Ананьинской дюне; 7 – Елабужские стоянки; 8–12 – Мальцевские I–V стоянки; 13 – Отарнинская стоянка; 14 – Кумысская стоянка и могильник; 15–17 – Беткинские стоянки и могильник; 18 – Набережночелнинский могильник.

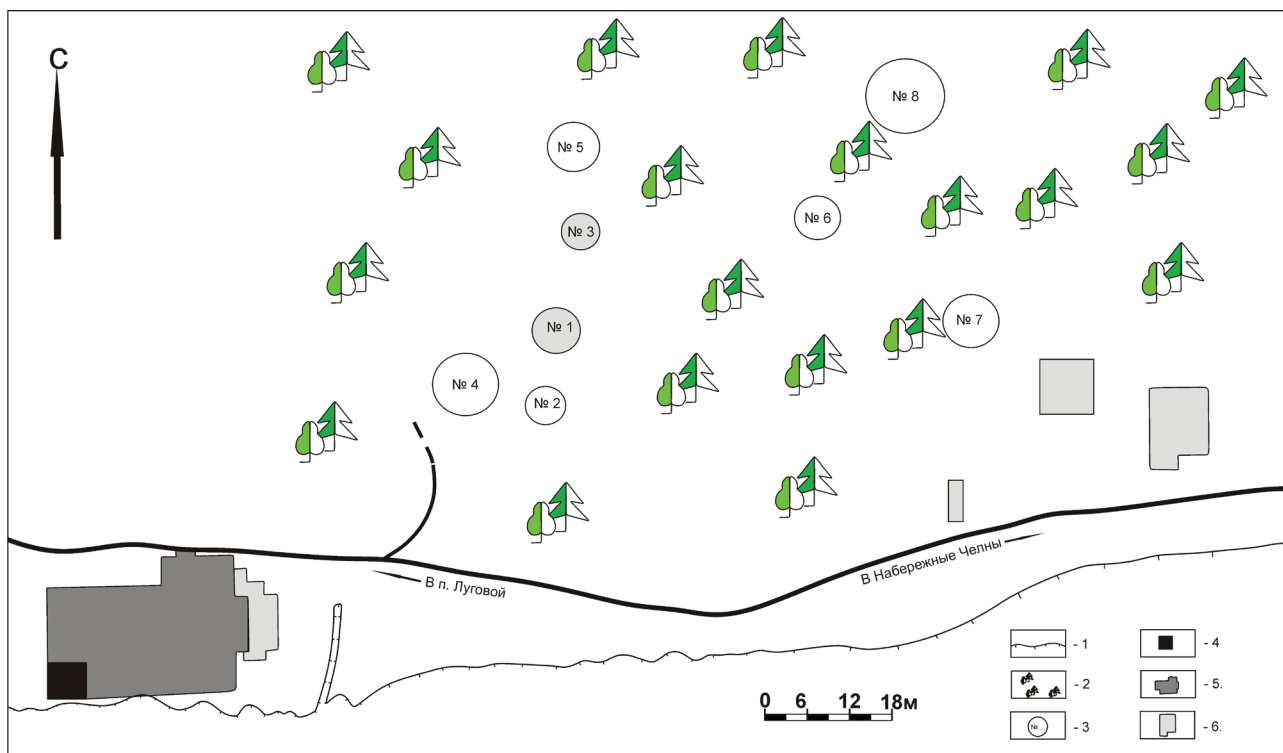

Рис. 3. План Луговской I и II стоянок и Луговского курганного могильника (по А.В. Збруевой, 1947). 1 – обрыв, 2 – лес, 3 – курган и номер по порядку, 4 – раскоп 1939 г. 5 – раскопы 1940 и 1946 г. 6 – раскопы 1947 г.

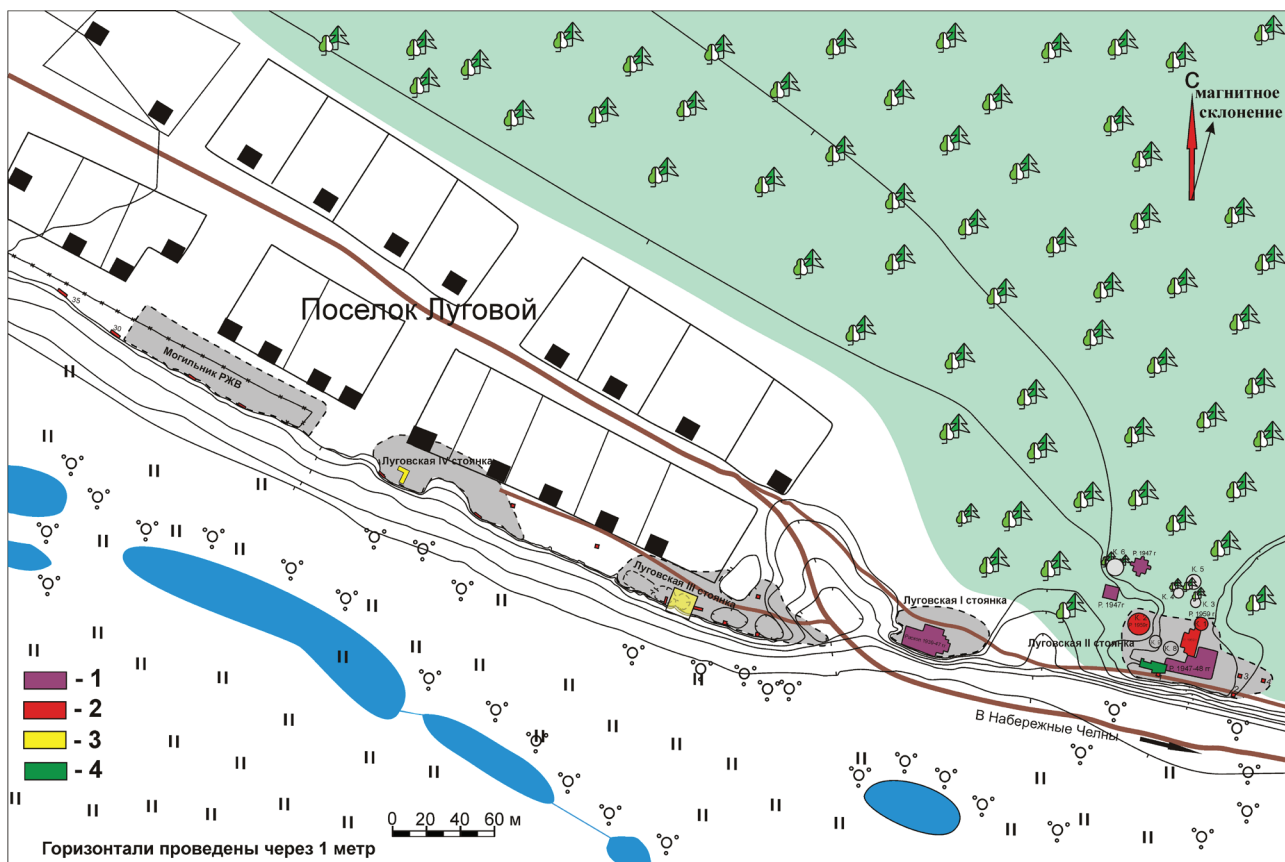

Рис. 4. Общий план памятников Луговского комплекса (по А.Х. Халикову, 1959 с дополнениями по К.И. Корепанов, 1989, 1991; А.А. Чижевский 2012). 1 – Раскопы Збруевой А.В. 1939, 1940, 1946–48 гг; 2 – раскопы и шурфы А.Х. Халикова 1959 г; 3 – Раскопы К.И. Корепанова 1989 и 1991 г; 4 – Раскоп А.А. Чижевского 2008 г.

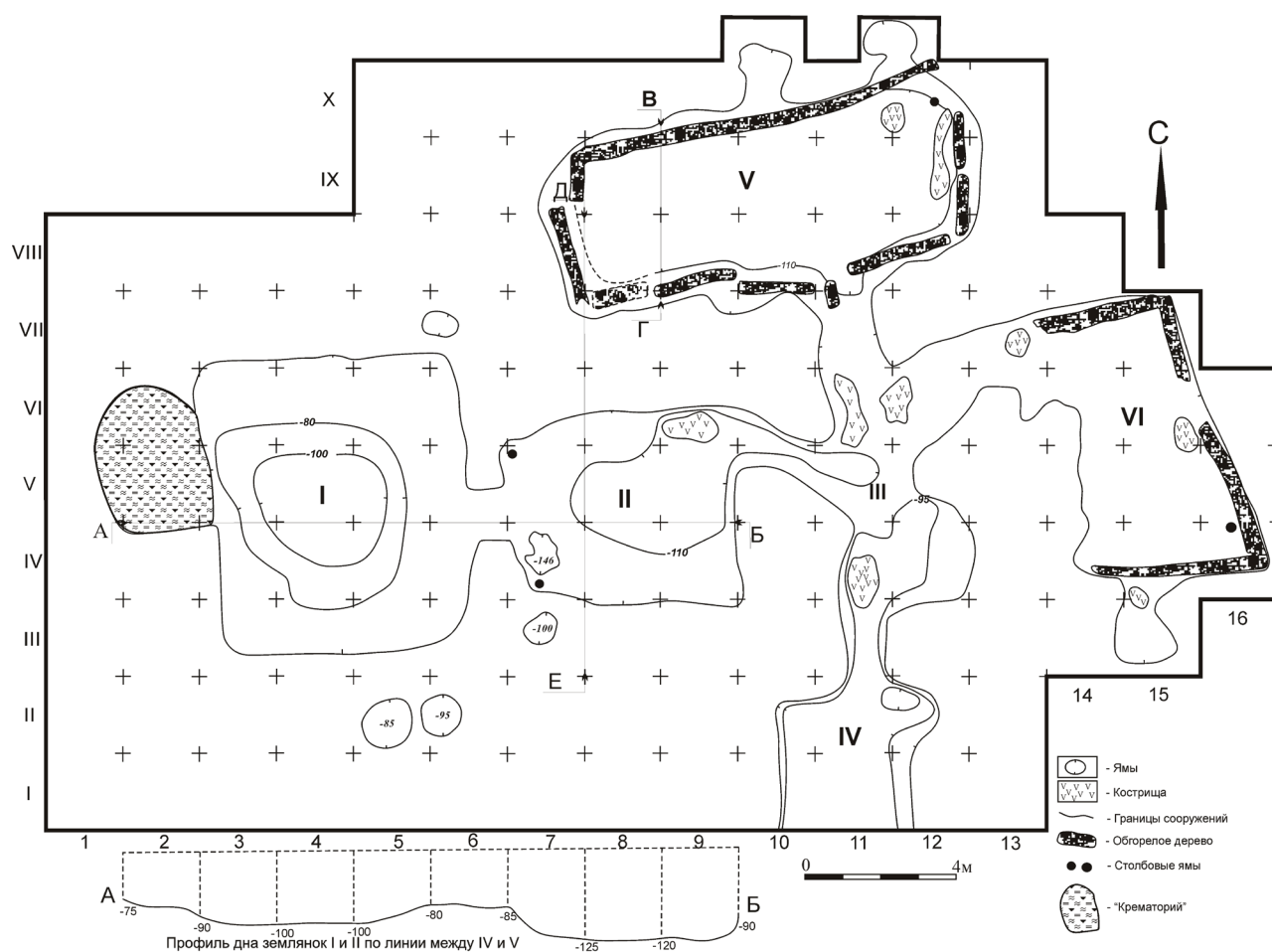

Рис. 5. План раскопа Луговской I стоянки.

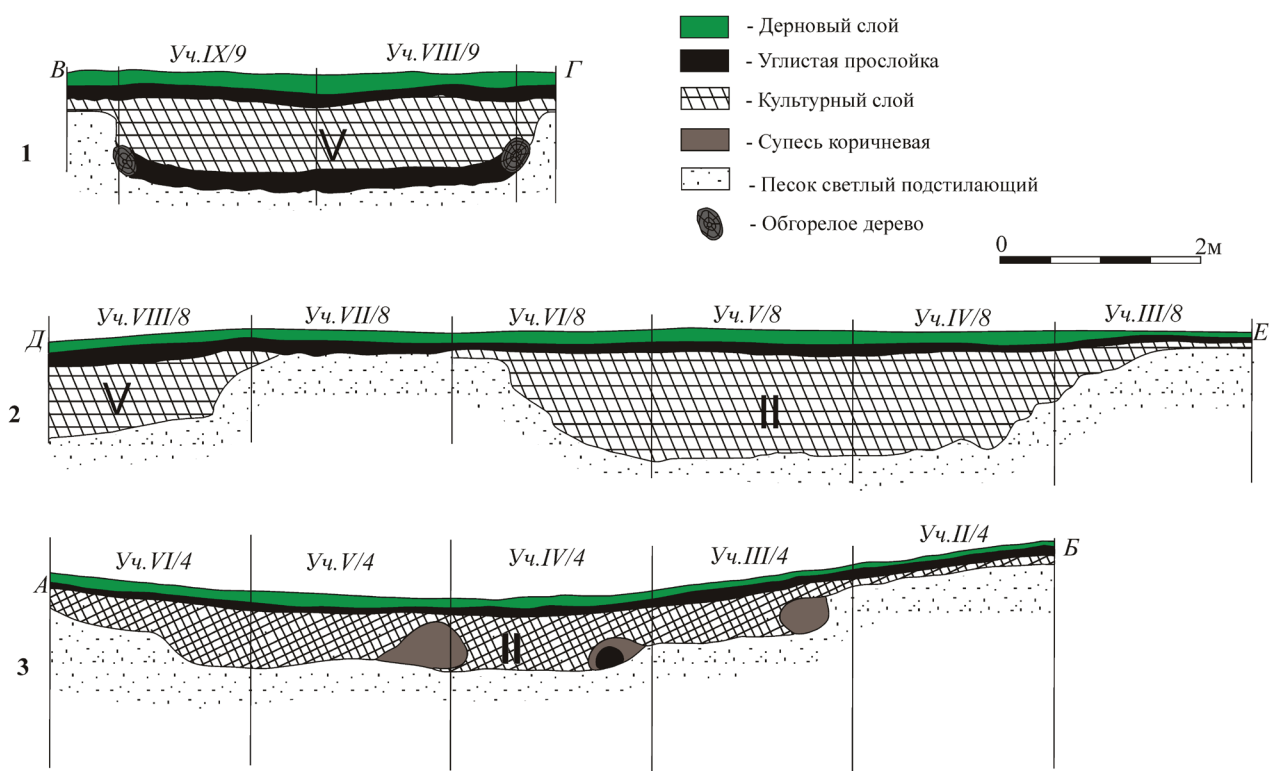

Рис. 6. 1 – Луговская I стоянка. Разрез западной стенки землянки V на участках IX–VIII/9; 2 – Луговская I стоянка. Разрез западной стенки раскопа 1946 г по линии VIII – III/8; 3 – Луговская II стоянка. Разрез землянки II по линии VI–II/4.

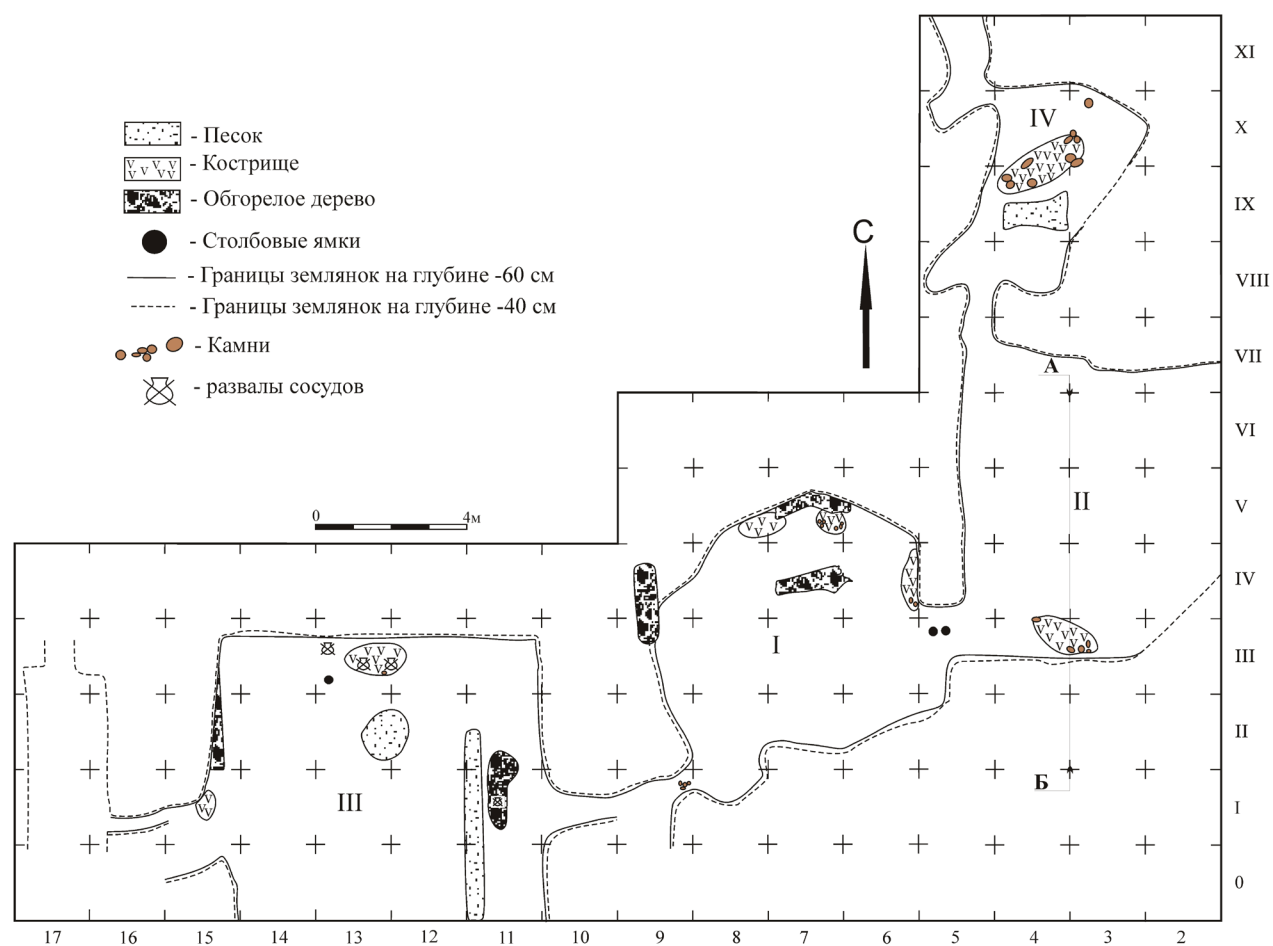

Рис. 7. План раскопа Луговской II стоянки.

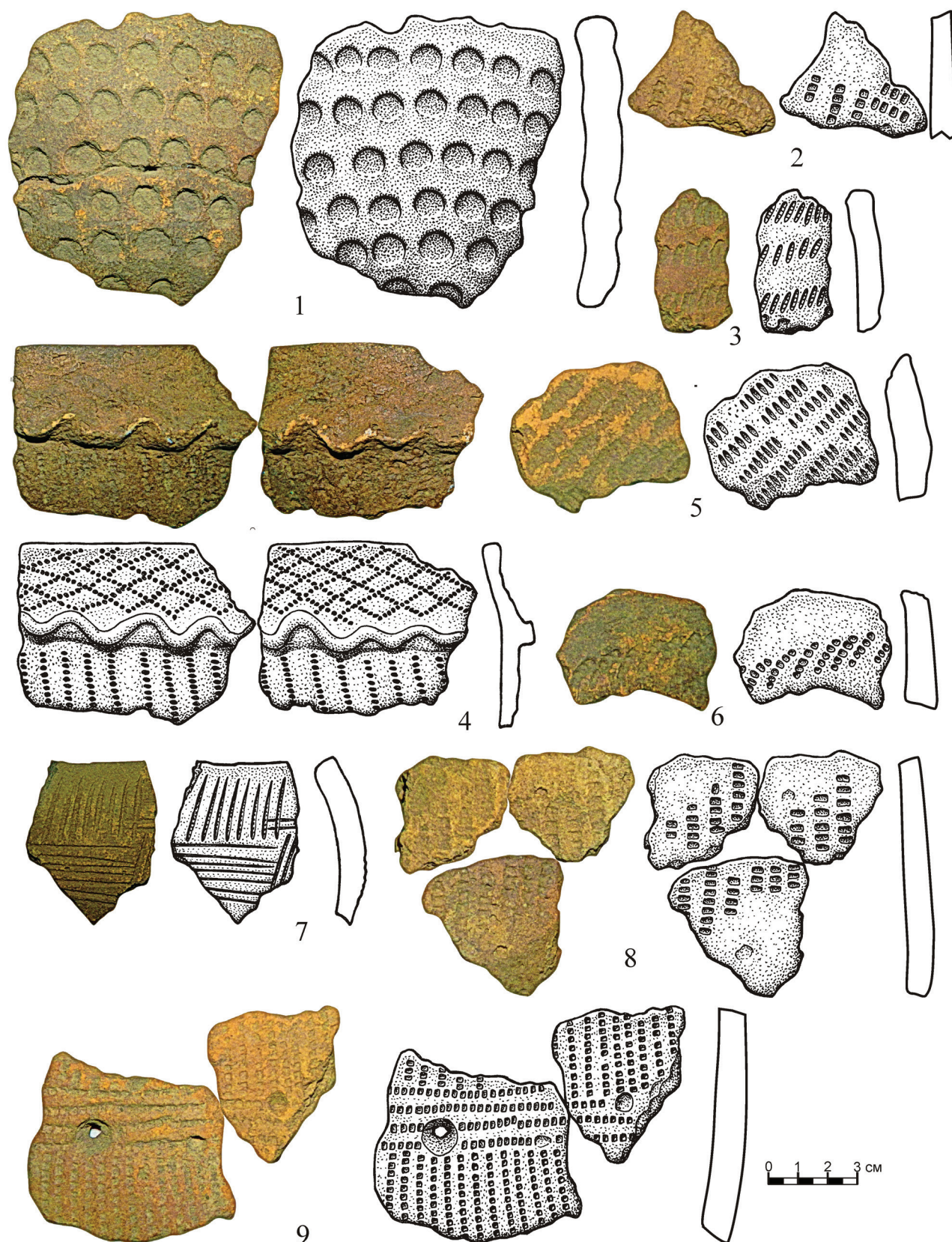

Рис. 8. Керамика эпохи неолита–энеолита Луговской I (1–3, 5–6, 8–9) и II (4,7) стоянок: 1 – Уч. II/12, гл. 60 см; 2 – Уч. II/3, гл. 20–50 см; 3 – Уч. III/10, гл. 40 см; 4 – Луговской курган №3. Засыпка погребения 2; 5 – Уч. IV/9, гл. 20 см; 6 – Уч. IV/11, гл. 20 см; 7 – Уч. VI/3, гл. 30–40 см; 8 – Уч. V/8, гл. 100–120 см; 9 – Уч. IV/8, гл. 100–120 см.

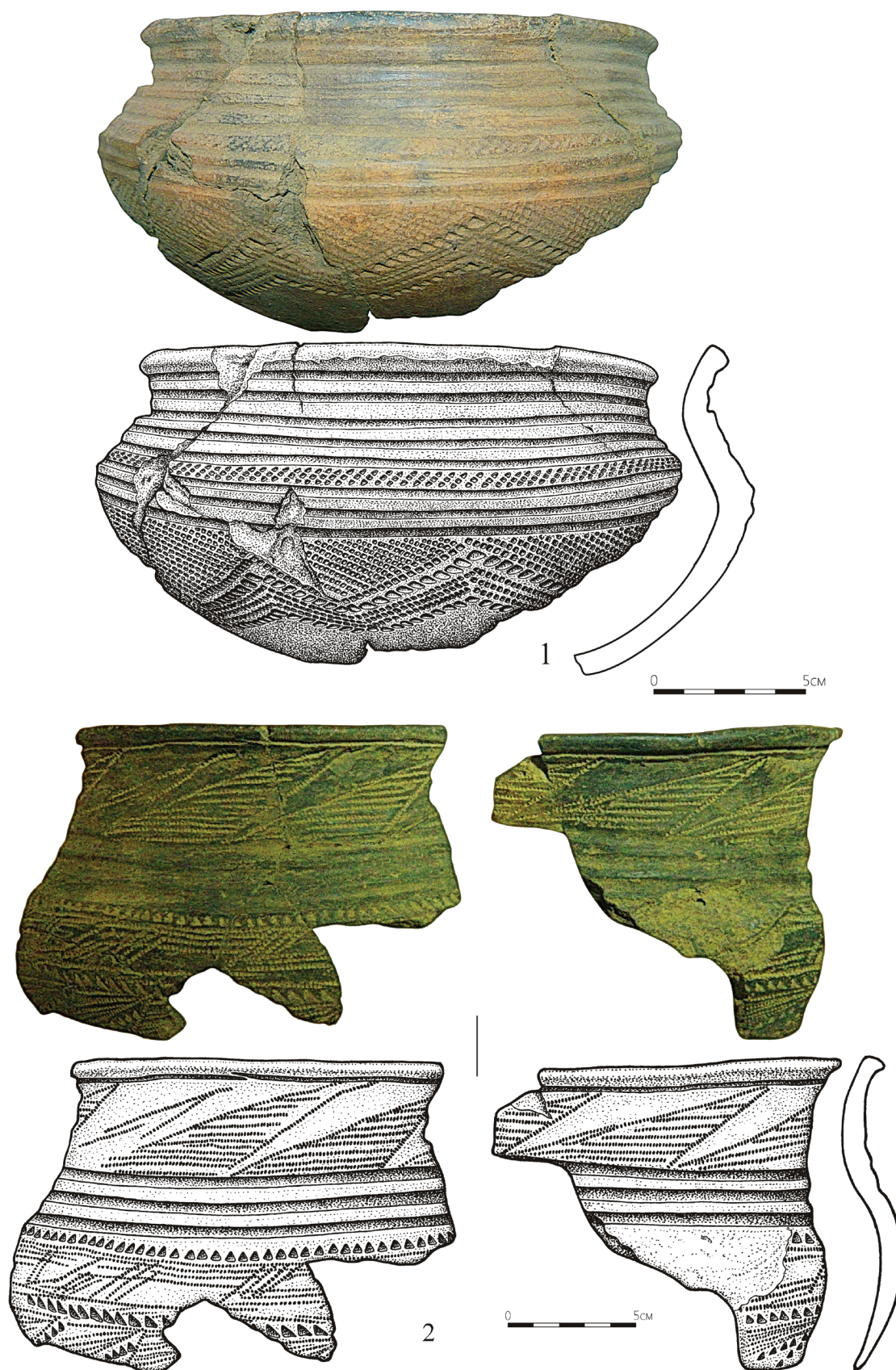

Рис. 9. Керамика черкаскульской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. Х/17–18, гл. 40 см; 2 – Уч. VIII/12, гл. 90–100 см (подошва сооружения) в комплексе с обгоревшими бревнами (стенками) сооружения.

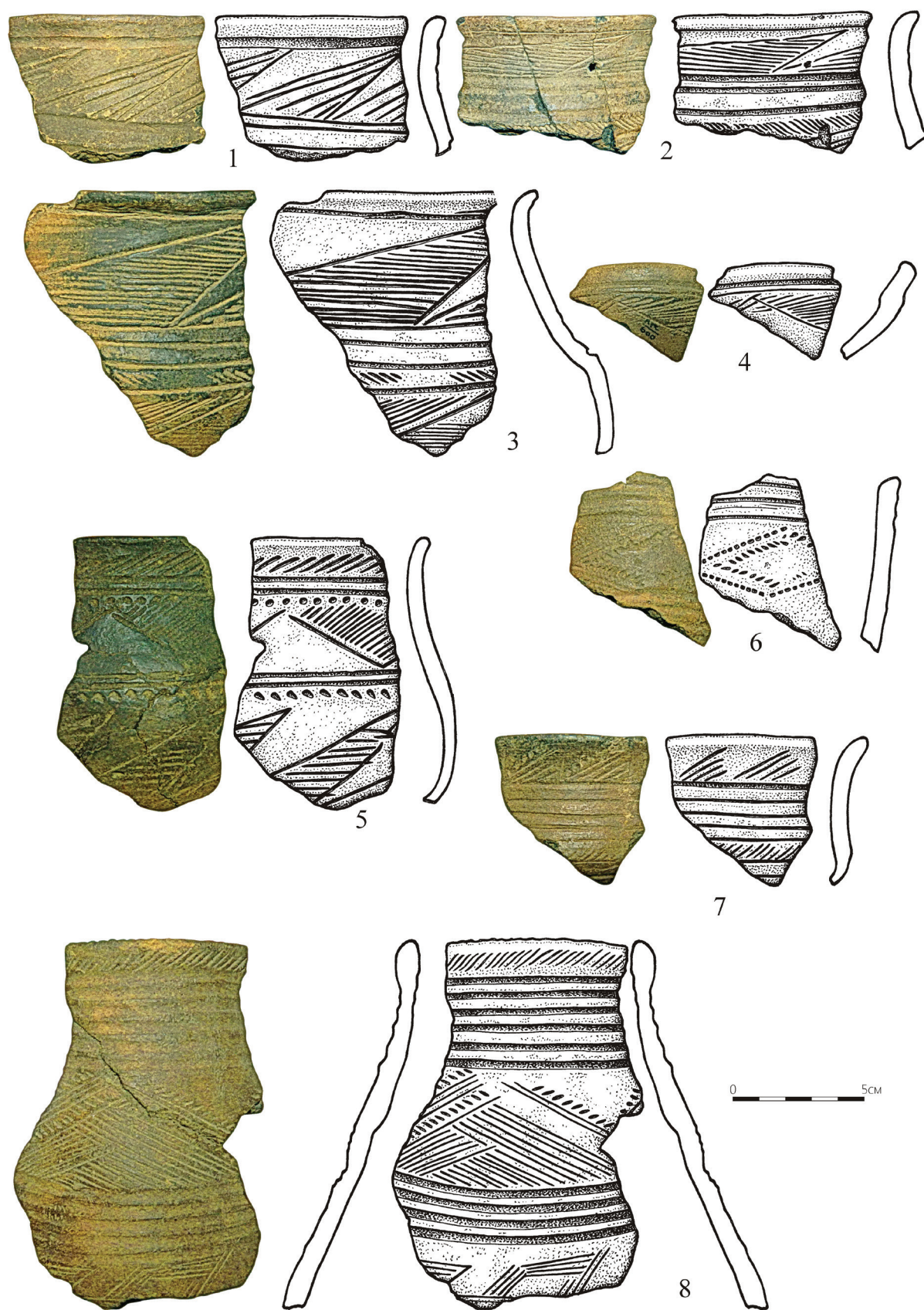

Рис. 10. Керамика черкаскульской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. I/5, гл. 40-60; 2 – Уч. IX/10, гл. 100-110 (сооружение 5); 3 – Уч. VIII/12, гл. 90-100 см (сооружение 5 на бревнах); 4 – Уч. VI/7 гл. 40-60 см (черный слой); 5 – Уч. VII/14, гл. 100-110 см (сооружение 6); 6 – Полевой шифр не читаемый; 7 – Уч. IV/6, гл. 40-60 см; 8 – Уч. II/7, гл. 20 см.

Рис. 11. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. I/5, гл. 10–20 см; 2 – Уч. III/14–15, гл. 100 см (подошва сооружения 6); 3 – Уч. VII/15, гл. 20–40 см; 4 – Уч. VIII/12, гл. 50 см; 5 – Уч. III/14–15, гл. 60–65 см (подошва сооружения 2); 6 – Уч. VII/14, гл. 100–110 см. (подошва сооружения 6); 7 – Уч. VI/2, гл. 20–45 см, уч. X/2, гл. 50 см; 8 – Уч. VII/13, гл. 40–60 см; 9 – Уч. II/9, гл. 60 см; 10 – Уч. VI/7, гл. 130 см.

Рис. 12. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. VII/14, гл. 40–60 см; 2 – Уч. VI/11, гл. 50 см; 3 – Уч. VI/3, гл. 50–60 см; 4 – Уч. I/8, гл. 10–50 см; 5 – Уч. IX/12, гл. 90–100 см (подошва сооружения 5); 6 – (полевой шифр не читаем); 7 – Уч. VII/15, гл. 0–20 см; 8 – Уч. VII/13, гл. 40–60 см; 9 – Уч. VI/2, гл. 45–57 см; 10 – Уч. VII/14, гл. 80–90 см (соор. 6) и правый – дно землянки (соор. 6).

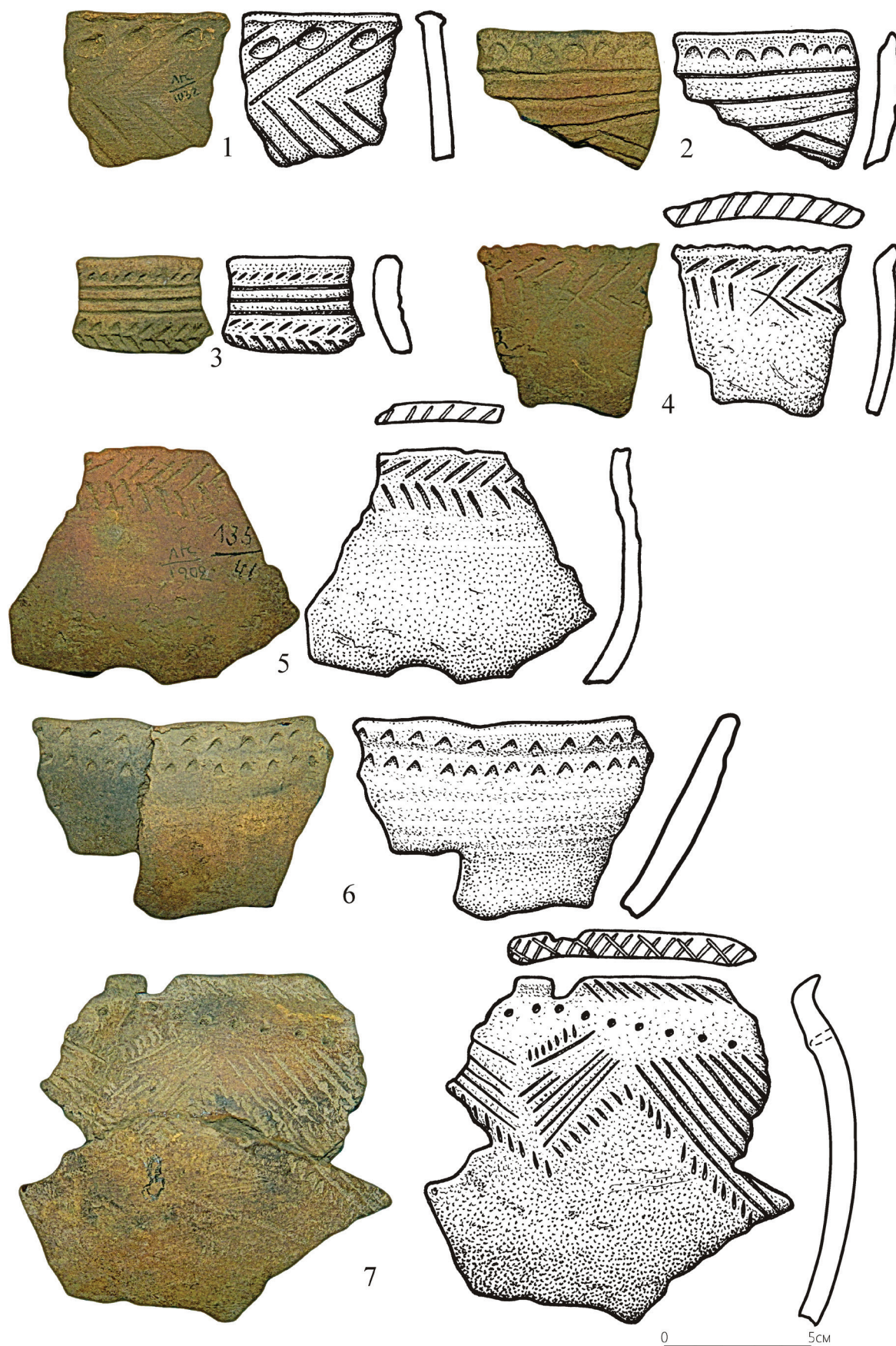

Рис. 13. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – 2 – (левой шифр не читается); 3 – Уч. VI/12, гл. 40 см; 4 – Уч. I/7, гл. 40–60 см; 5 – Уч. I/6, гл. 40–60 см; 6 – Уч. VI/2, гл. 20–45 см; 7 – Уч. VII/14 (дно сооружения 6).

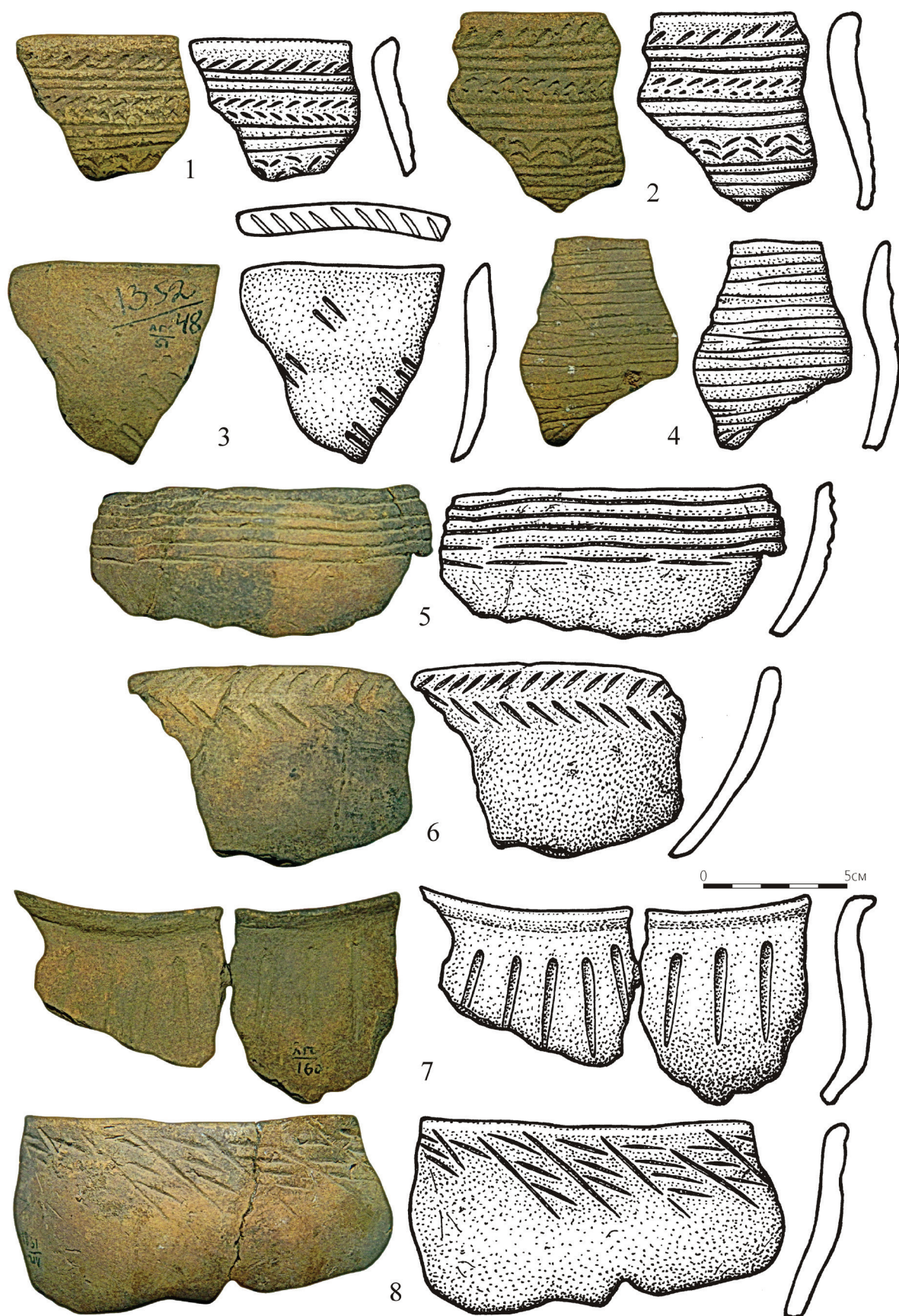

Рис. 14. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. VI/12, гл. 40 см; 2 – Уч. VI/13, гл. 25–35 см; 3 – Уч. II/1, гл. 20–30 см; 4 – Уч. IX/12, гл. 60–70 см; 5 – Уч. VIII/8, гл. 50 см; 6 – Уч. IX/12, гл. 100–110 см (подшва сооружения 5); 7 – Уч. I/6, гл. 40–60 см; 8 – Уч. VI/2, гл. 70 см.

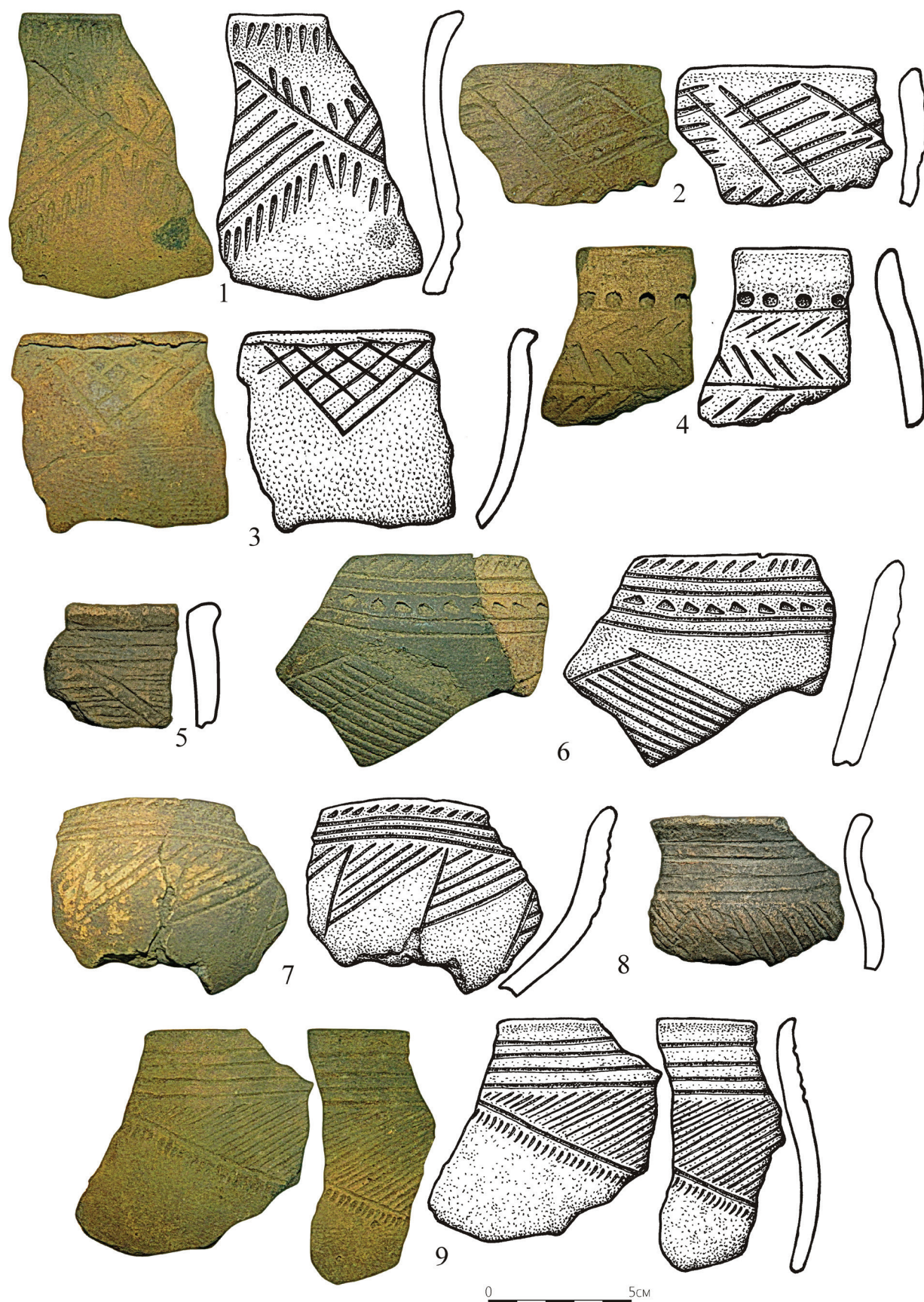

Рис. 15. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. VIII/13, гл. 20–40 см; 2 – Уч. VI/11, гл. 50 см; 3 – Уч. V/2, гл. 60 см; 4 – Уч. VIII/9, гл. 30 см; 5 – Уч. IV/11, гл. 80 см (сооружение 3); 6 – Уч. IV/14, гл. 35–45 см; 7 – Подъемный материал; 8 – Уч. VII/14, гл. 80–90 см (дно сооружения 6); 9 – Уч. VII/14, гл. 80–90 см (дно сооружения 6).

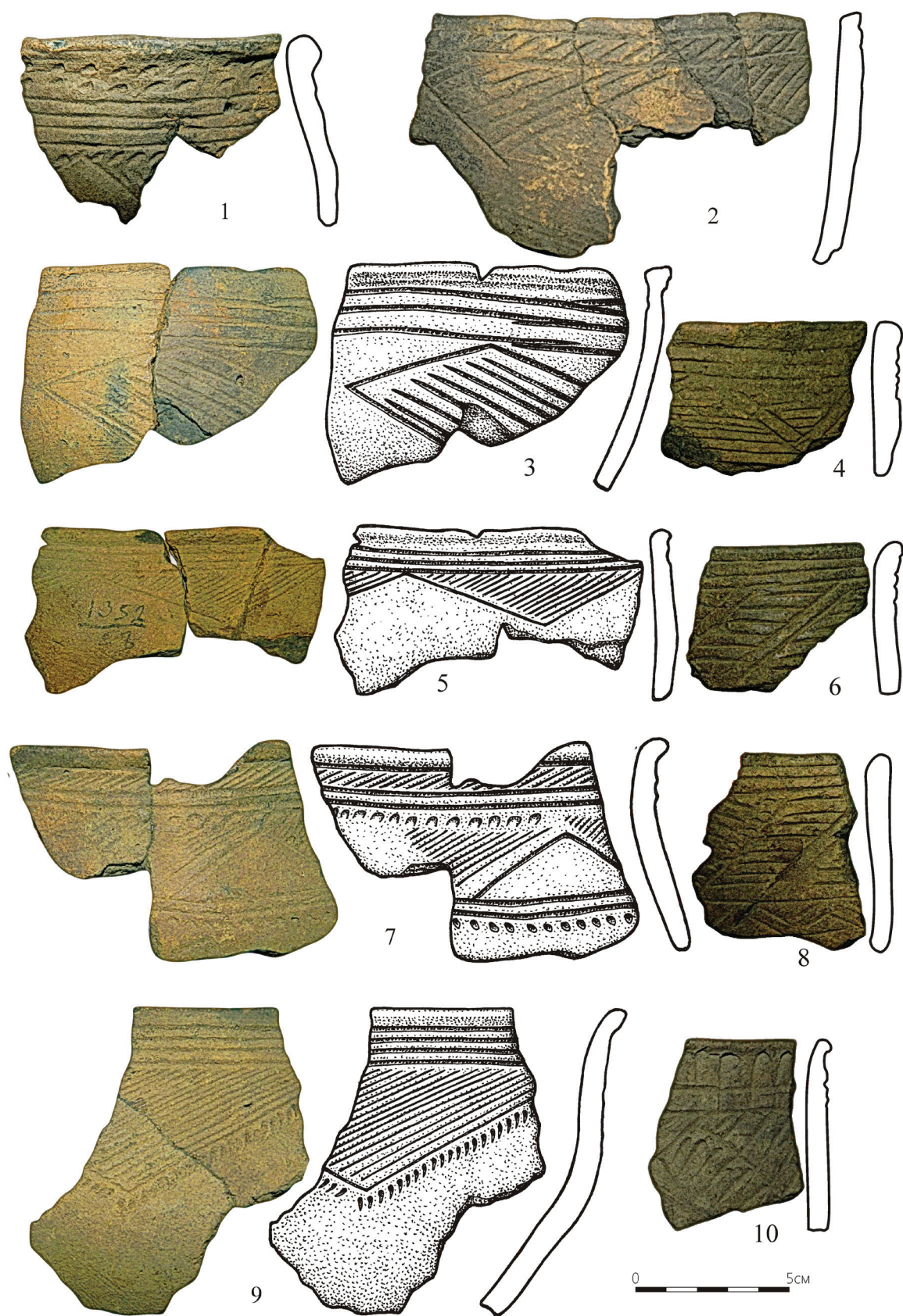

Рис. 16. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. II/11, гл. 60–70; 2 – Уч. V/2, гл. 80–90 (над крематорием или в крематории); 3 – Уч. VII/13, гл. 60–90 см; 4 – Уч. III/5, гл. 40–60 см; 5 – Уч. V/9, гл. –110–120 (сооружение 2), уч. VII/10, гл. 60–70 см, уч. VII–VIII/11, гл. 40–50 см; 6 – Уч. VII/13, гл. 0–20 см; 7 – Уч. V/13, гл. –45–50 см; 8 – Уч. III/5, гл. 40–60 см; 9 – Уч. IX/9, гл. 90–100 см (Сооружение 5); 10 – Уч. VI/11, гл. 35 см.

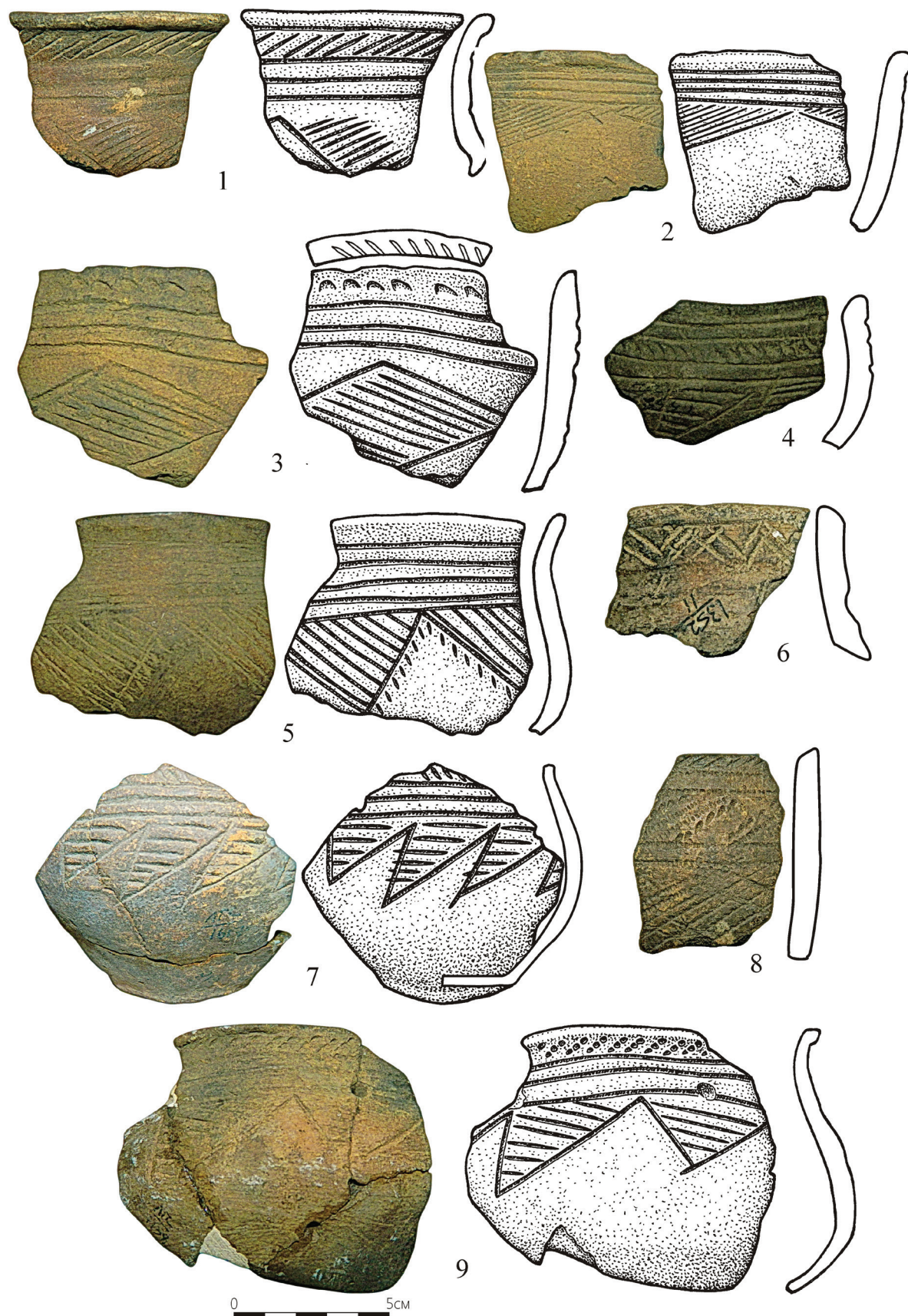

Рис. 17. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Отвал; 2 – Уч. IV/6, гл. 20–40 см; 3 – Уч. VII/13, гл. 80–90 см; 4 – 5 – Полевой шифр стерся; 6 – Уч. VII/15, гл. 20–40 см; 7 – Уч. IV/5, гл. 56–60 см, уч. V/6, гл. 60–80 см; 8 – Уч. VII–VIII/12, гл. 45–50 см; 9 – Уч. III/12, гл. 60–70 см.

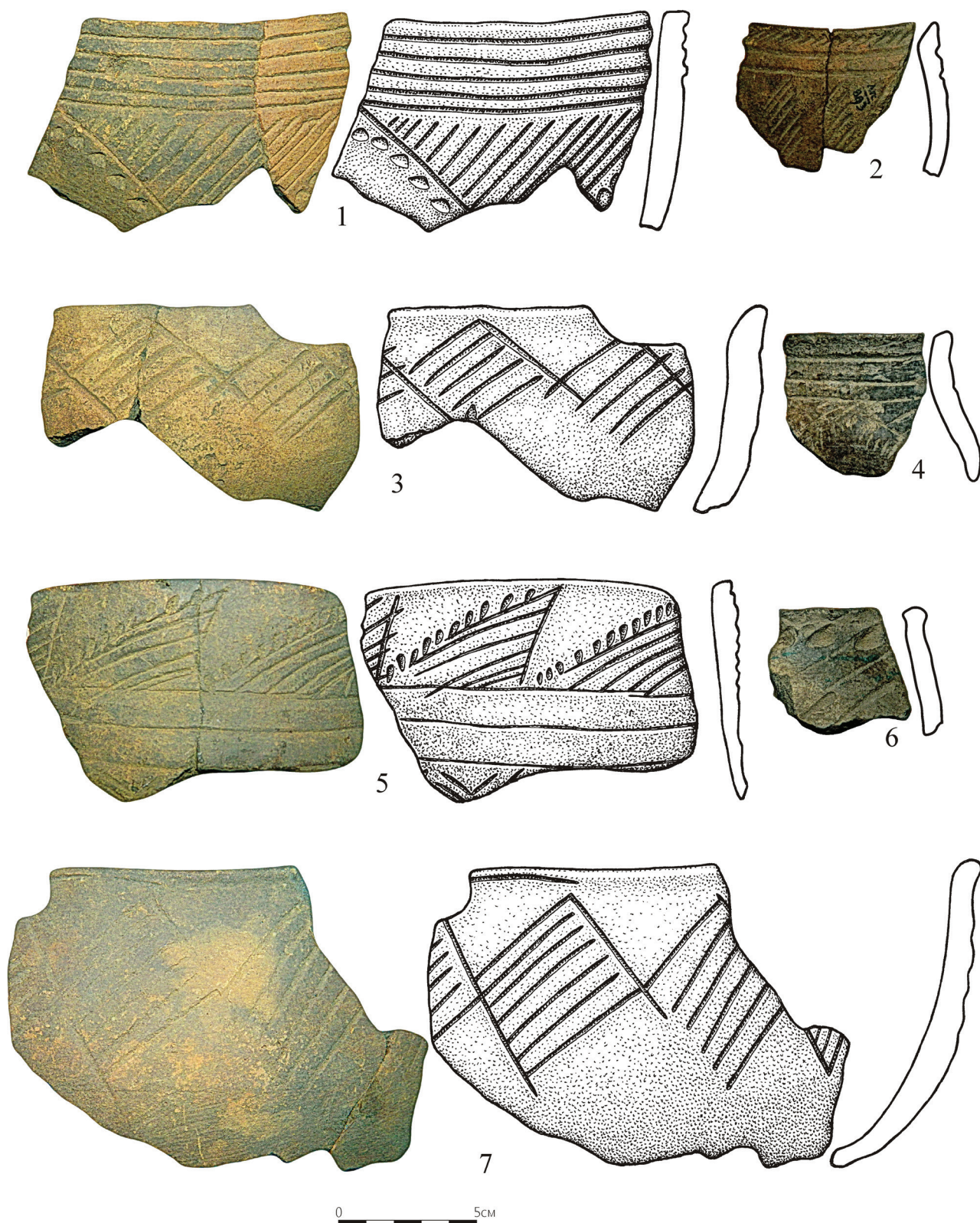

Рис. 18. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. IV/14, гл. 35–45 см; 2 – Уч. IV/5, гл. 50–60 см; 3 – Полевой шифр стерся; 4 – Уч. I/6, гл. 40–60 см; 5 – Уч. I/3, гл. 20–40 см; 6 – Уч. I/3, гл. 20–40 см; 7 – Уч. IV/14, гл. 25–35 см.

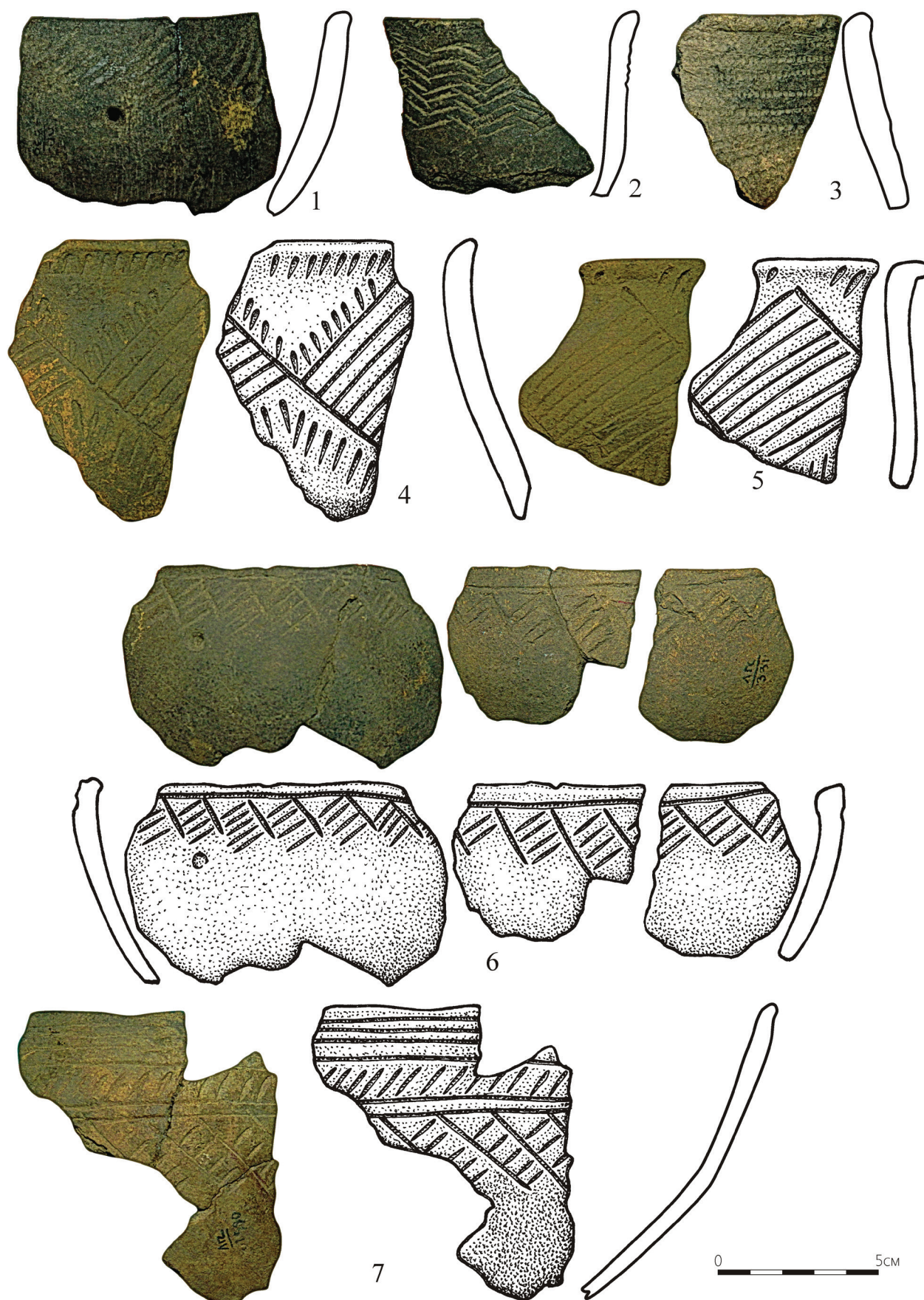

Рис. 19. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Полевой шифр стерся; 2 – Уч. I/10, гл. 70 см; 3 – Уч. VII–VIII/12, гл. 50 см; 4 – Уч. V/13, гл. 80 см; 5 – Уч. VI/11, гл. 50 см; 6 – Уч. V/4, гл. 60–80 см; 7 – Уч. VI/2, гл. 45–57 см.

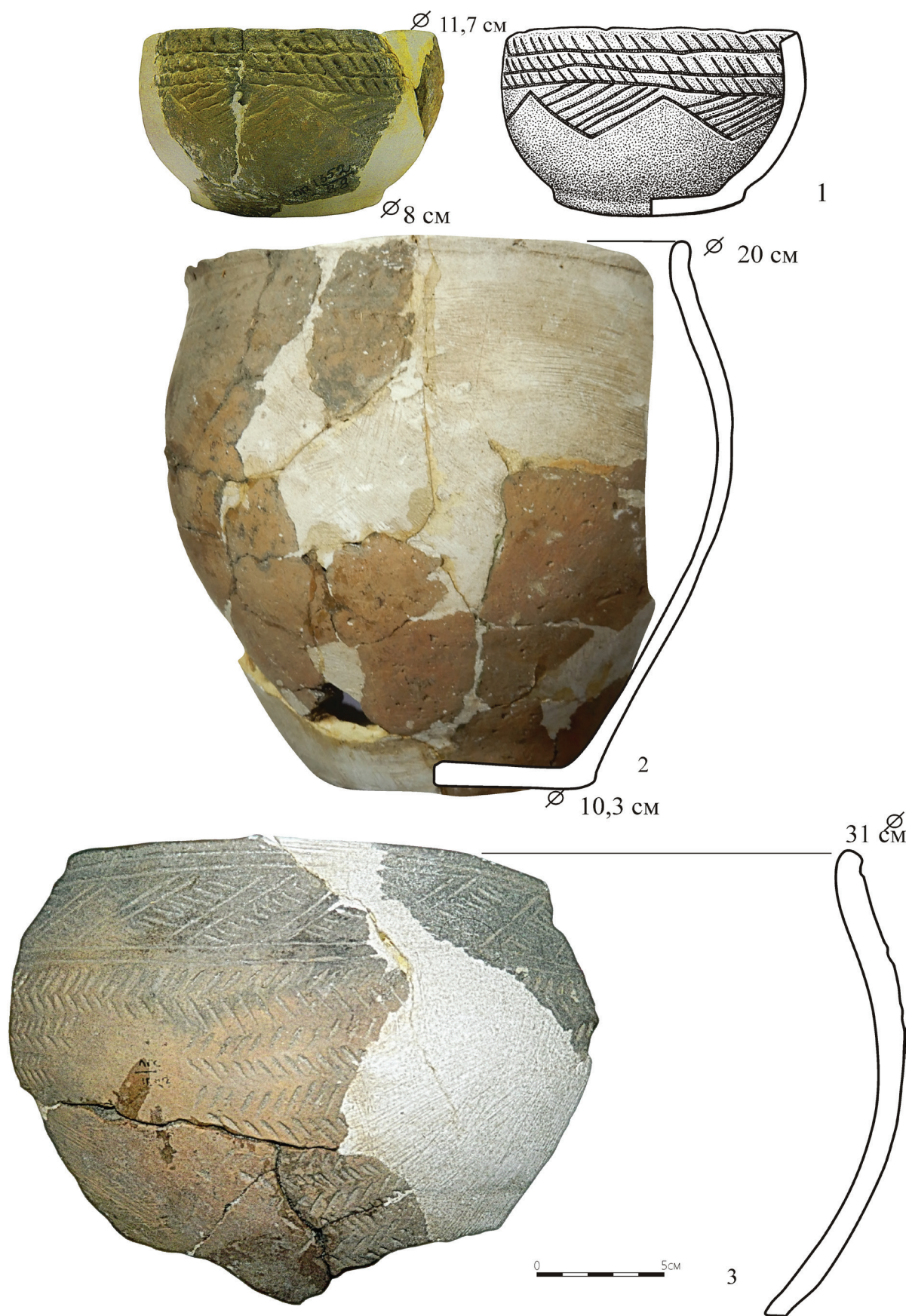

Рис. 20. Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. Целые формы. 1 – Отсутствует полевой шифр; 2 – Уч. III/4, гл. 81 см (при зачистке дна сооружение 1); 3 – Уч. VII/14, гл. 100–120 см (сооружение 6).

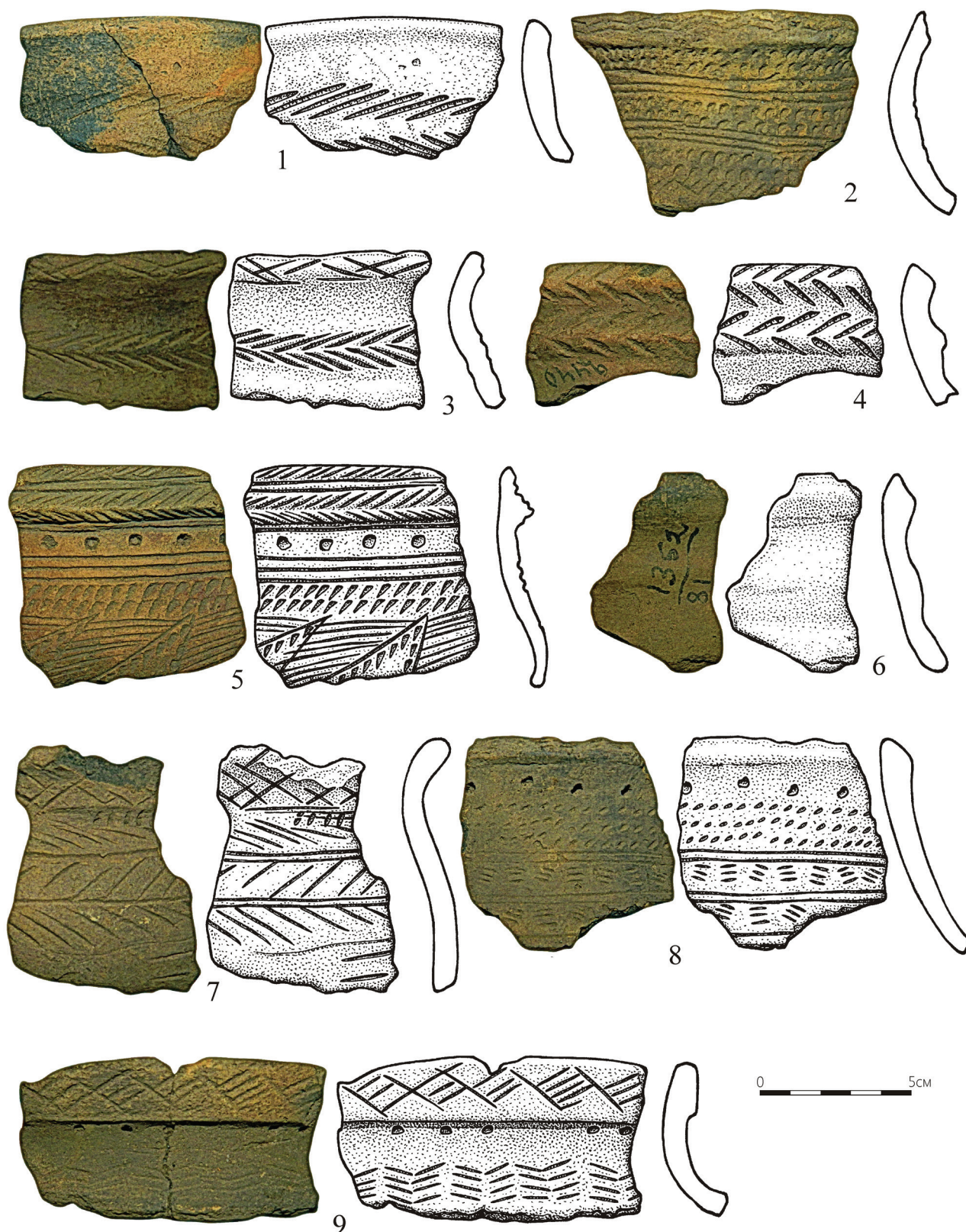

Рис. 21. Керамика межовской (постлуговской) и атабаевского этапа маклашеевской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. III/4, гл. 80 см (сооружение 2); 2 – Уч. IX/12, гл. 60–70 см; 3 – Полевой шифр стерся; 4 – Уч. X/8, гл. 60–80 см; 5 – Уч. V/8, гл. 80–100 см (сооружение 2); 6 – Уч. X/7, гл. 70–80 см; 7 – Уч. X/10, гл. 40–50 см; 8 – Уч. IX/11, гл. 110–120 см; 9 – Уч. III/4, гл. 80 см (сооружение 1).

Рис. 22. Керамика луговской и черкаскульской культур с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. VI/3, гл. 30–40 см; 2 – 3 – Полевой шифр стерся; 4 – Уч. X/4, гл. 70–80 см; 5 – Уч. III/12, гл. 60–70 см; 6 – Полевой шифр стерся; 7 – Уч. II/21, гл. 0–20 см; 8 – Уч. II/10, гл. 20–40 см; 9 – Уч. III/12, гл. 20–40 см; 10 – Уч. III/16, гл. 20–40 см; 11 – Полевой шифр стерся; 12 – Уч. V/4, гл. 60–80 см; 13 – Уч. 0/16, гл. 40–50 см; 14 – Уч. II/20, гл. 0–20 см; 15 – Уч. I/17, гл. 20–40 см, Уч. III/17 гл. 40–60 см; 16 – Уч. I/17, гл. 20–40 см.

Рис. 23. Керамика межовской (постлуговской) культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. III/13, гл. 80–90 (сооружение 3); 2 – Уч. VI/3, гл. 30–40 см; 3 – Уч. VI/4, гл. 40–50 см; 4 – Уч. I/13, гл. 60–70 см; 5 – Уч. III/3, гл. 30–40 см; 6 – Уч. II/17, гл. 20–40 см; 7 – Уч. XI/4, гл. 60–80 см.

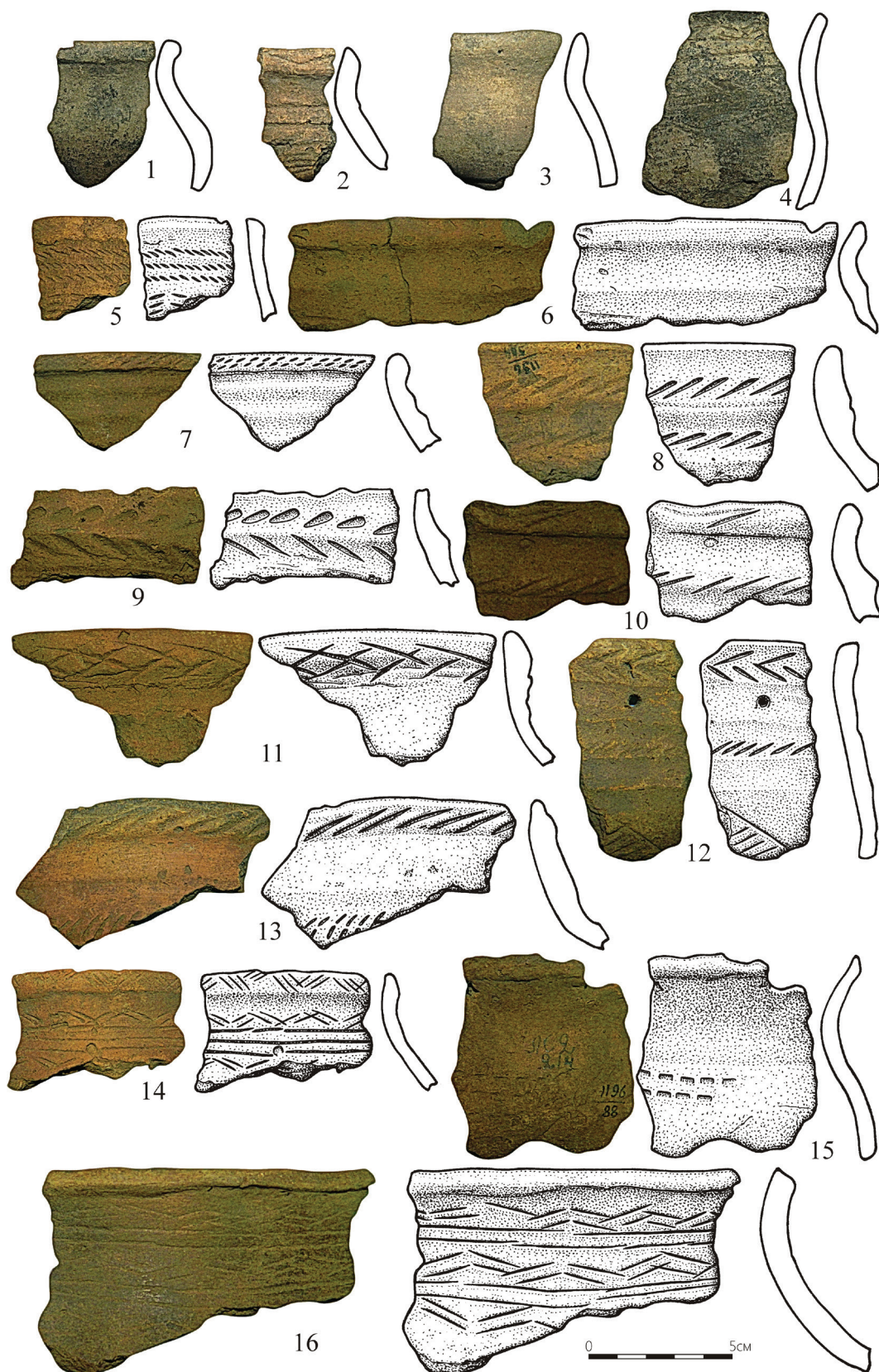

Рис. 24. Керамика межовской (постлуговской) культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. XI/4, гл. 100 см (сооружение 4); 2 – Уч. III/12, гл. 60–70 см; 3 – Уч. III/3, гл. 30–40 см; 4 – Луговской 2 курган насыпь Уч. 3 гл. 60–80 см; 5 – Уч. I/12, гл. 20–40 см; 6 – Уч. III/3, гл. 20–30 см, уч. III/3 гл. 30–40 см; 7 – Уч. II/20, гл. 0–20 см; 8 – 9 – Полевой шифр стерся; 10 – Уч. X/3, гл. 0–20 см; 11 – Уч. IX/4, гл. 40–60 см; 12 – Уч. III/16, гл. 20–40 см; 13 – Уч. IX/3, гл. 20–40 см; 14 – Уч. VII/4, гл. 30–40 см; 15 – Уч. XI/3, гл. 40–60 см; 16 – Уч. XI/4, гл. 100 см (сооружение 4).

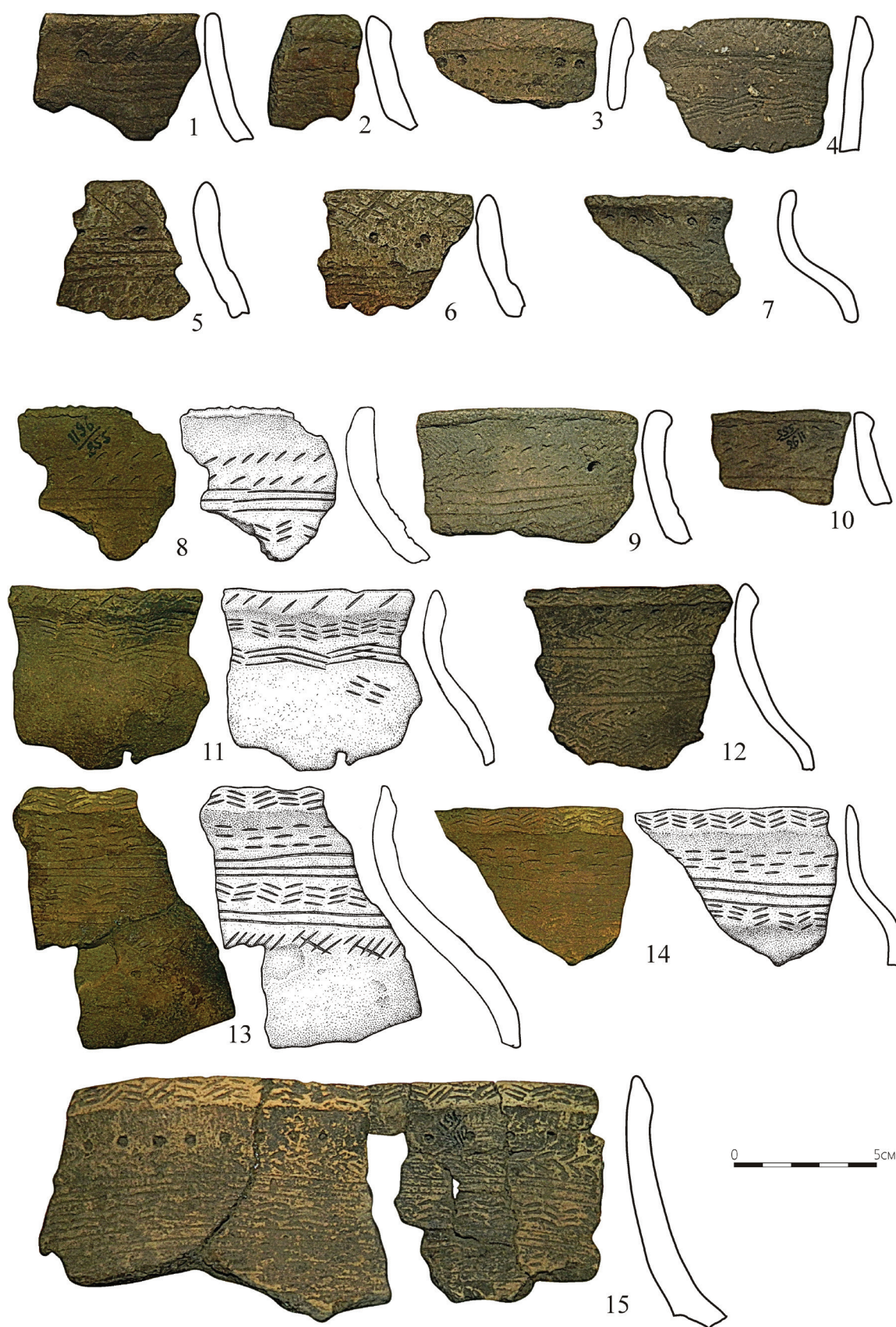

Рис. 25. Керамика атабаевского этапа маклашевской культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. II/12, гл. 40–60 см; 2 – Уч. II/12, гл. 70–80 см; 3 – Полевой шифр стерся; 4 – Уч. 0/11, гл. 60–70 см; 5 – Уч. II/11, гл. 60–70 см; 6 – Уч. II/11, гл. 60–70 см; 7 – Уч. XI/3, гл. 40–60 см; 8 – Полевой шифр стерся; 9 – Уч. I/11, гл. 80–90 см (сооружение 3); 10 – 12 – Полевой шифр стерся; 13 – Уч. II/11, гл. 60–70 см, уч. III/11 гл. 50–60 см; 14 – Уч. I/12, гл. 40–60 см; 15 – Уч. III/12, гл. 60–80 см.

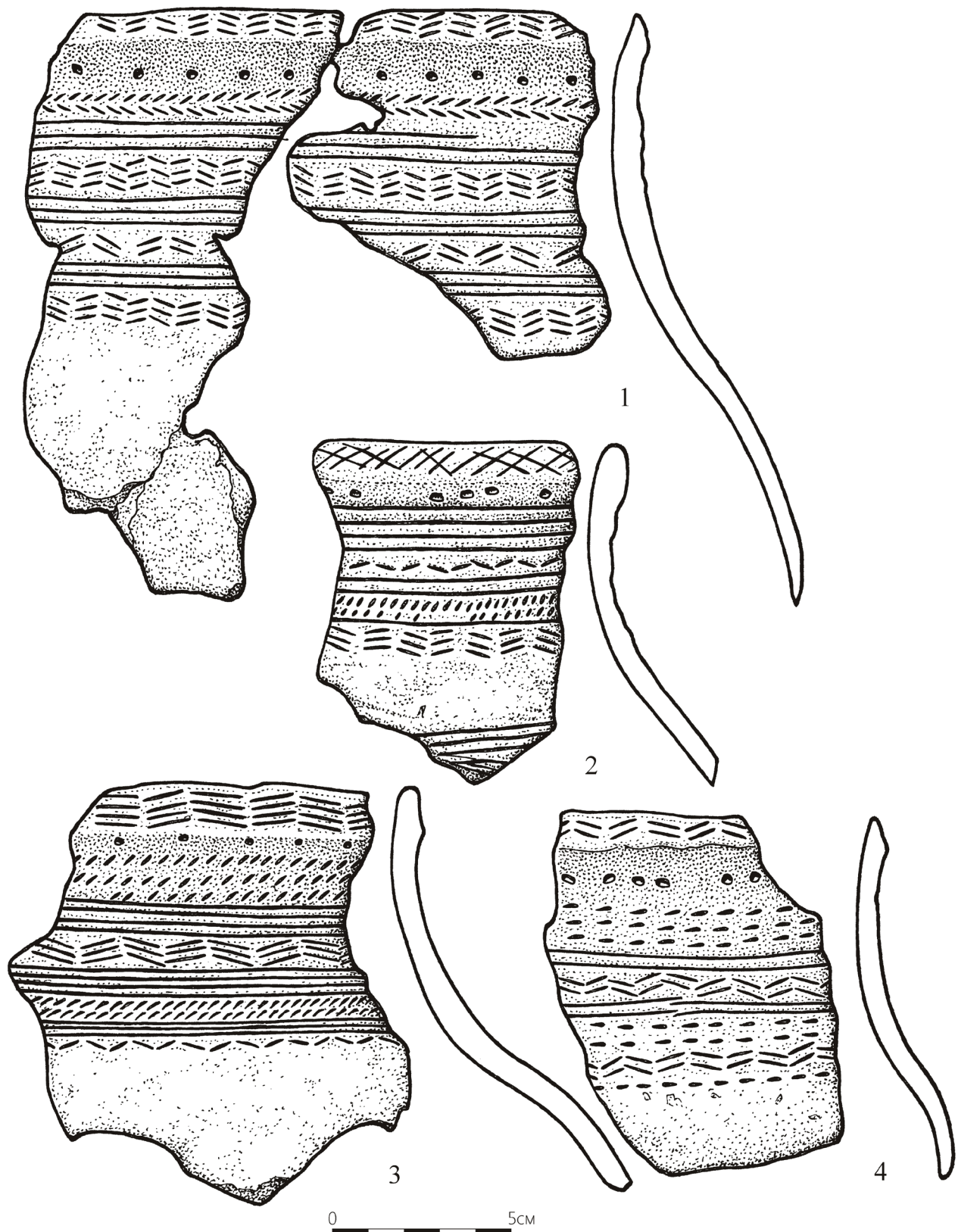

Рис. 26. Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. IX/3 гл. 60-80 см; 2 – 4 – Полевой шифр не читаемый

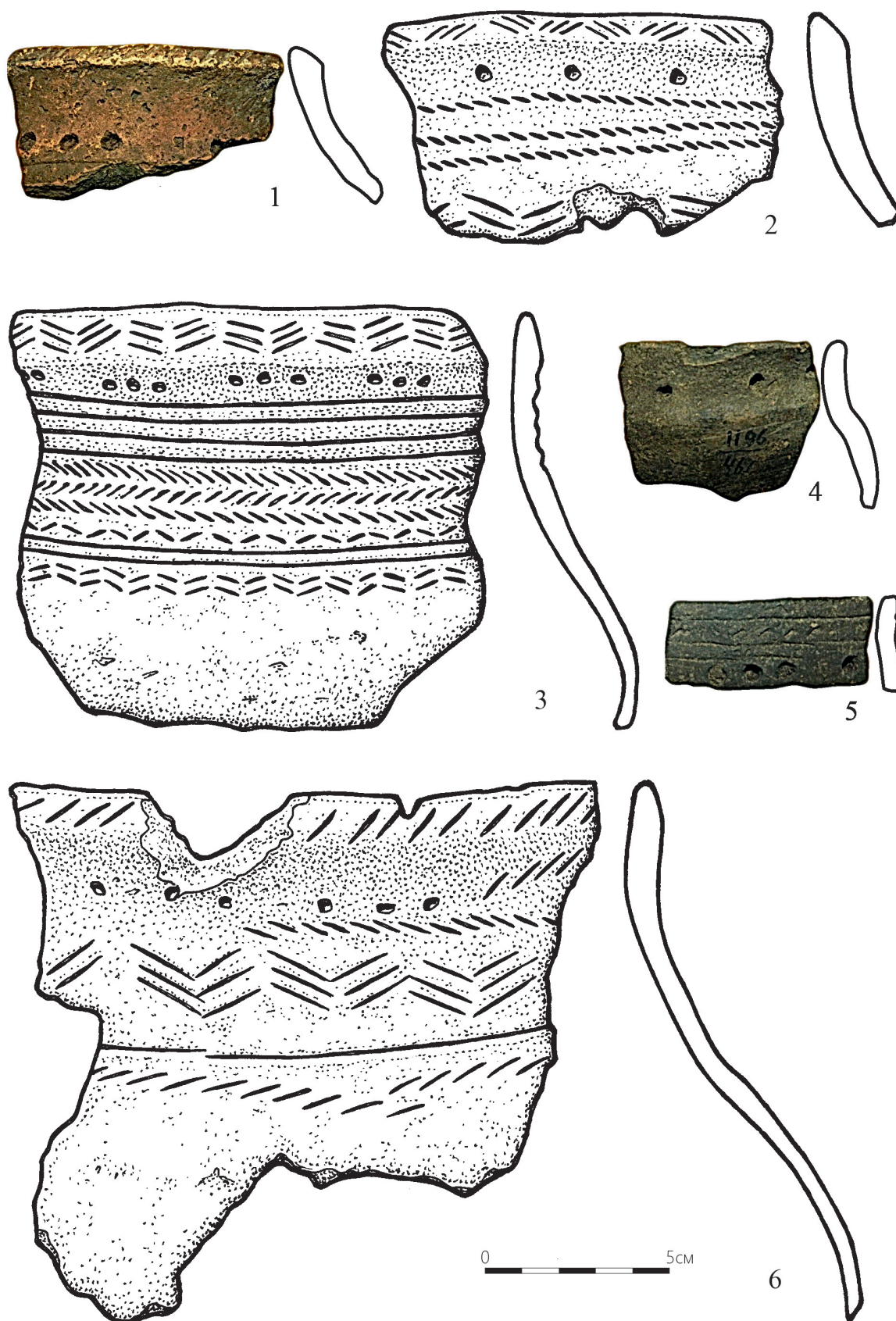

Рис. 27. Керамика атабаевского этапа (1-3, 6) и маклашеевского этапа (4-5) маклашеевской культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. V/3, гл. 20-40 см; 2 – Уч. IX/3, гл. 40-60 см; 3 – Уч. III/12, гл. 40-50 см; 4 – Уч. 0/12, гл. 40-60 см; 5 – Уч. I/12, гл. 40-60 см; 6 – Уч. V/4, гл. 60-80 см, уч. IX/4, гл. 60-70 см.

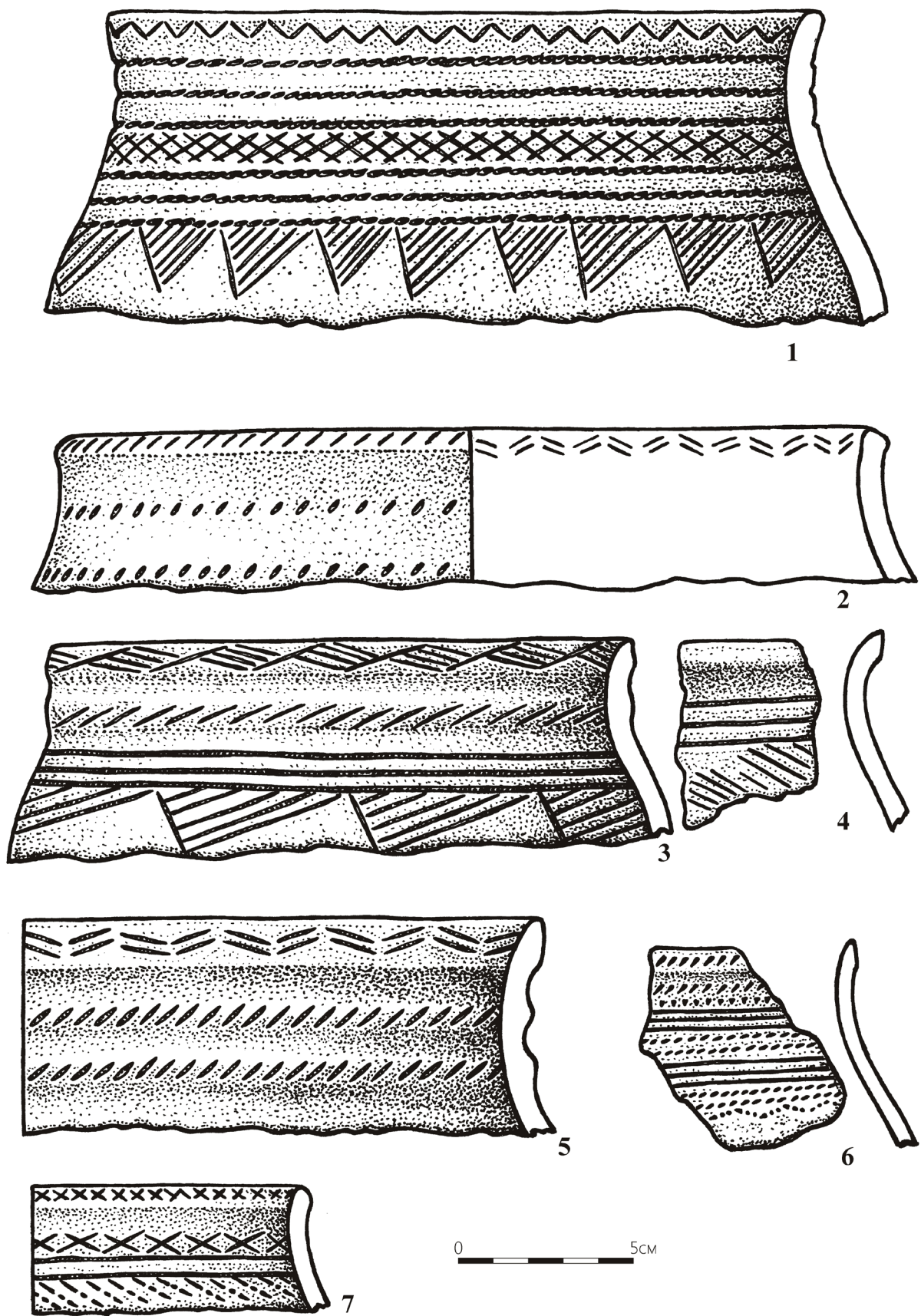

Рис. 28. Керамика межовской (постлуговской) культуры (1-5, 7) и атабаевского этапа маклашеевской культуры (6) с территории Луговской II стоянки и из насыпей Луговских курганов №1-2 (раскопки А.Х. Халикова, 1959 г).

Рис. 29. Целые формы сосудов с территории Луговской II стоянки. 1 – кубкообразный сосуд уч.Ш/17, гл. 30 см (раскопки А.В. Збруевой, 1948 г.); 2 – сосуд луговской культуры в насыпи кургана 1; 3 – сосуд межовской (постлуговской) культуры? (раскопки А.Х. Халикова, 1959 г.).

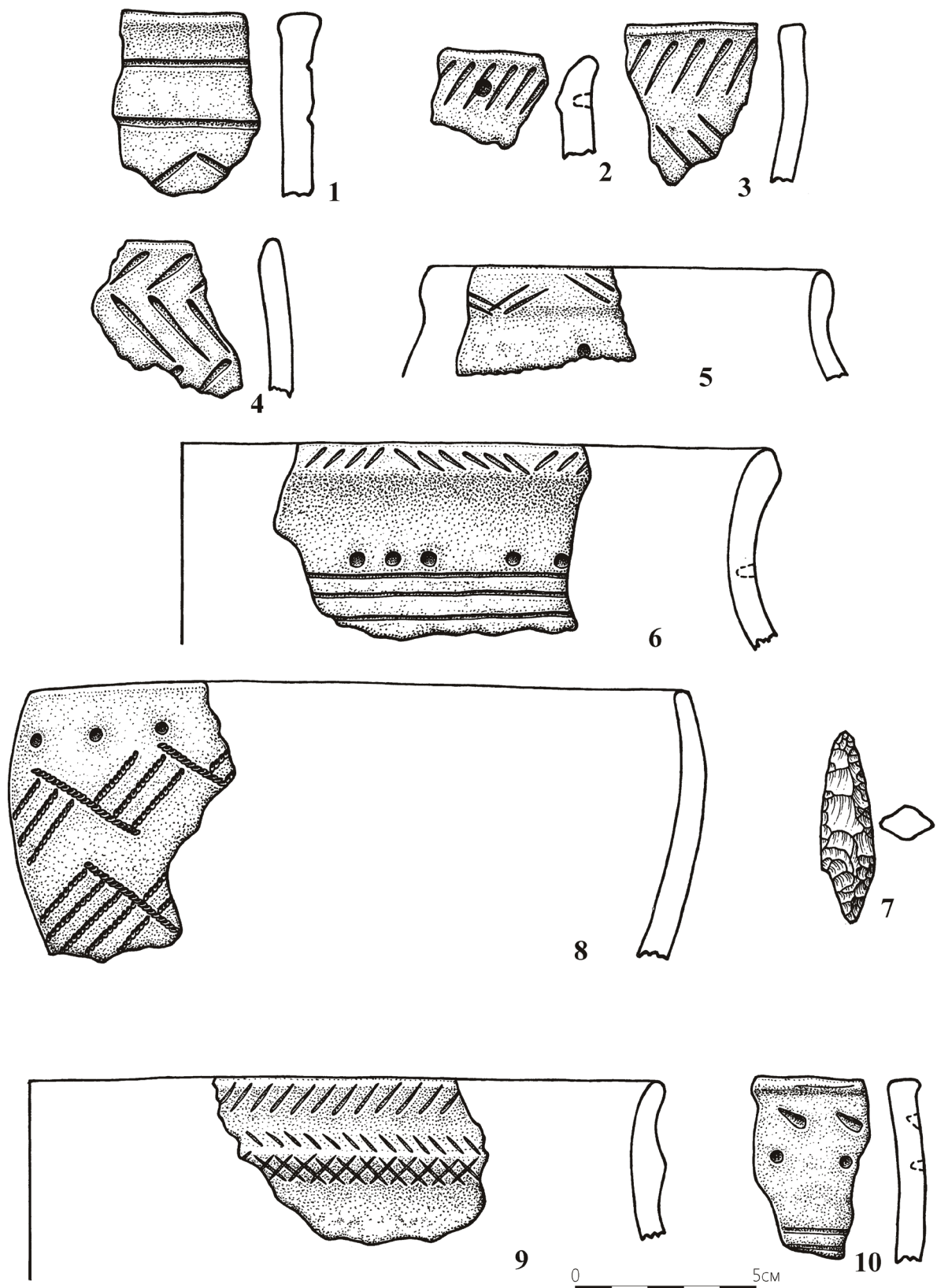

Рис. 30. Керамика и кремневый наконечник стрелы с территории – 1–4 – Луговской IV стоянки луговской культуры; 5–7 – Луговской III стоянки атабаевского этапа маклашевской культуры; 8–10 – Луговской I стоянки луговской культуры (разведки А.Х. Халикова, 1959 г).